

Айлин Лин

Эликсир красоты
или
Это всё Она

Врачи спасут мир!

Айлин Лин

Эликсир красоты, или Это всё Она

«Автор»

2023

Лин А.

Эликсир красоты, или Это всё Она / А. Лин — «Автор»,
2023 — (Врачи спасут мир!)

Моё призвание делать людей красивыми! И никакой мистики в моём деле отродясь не было! Но озвученное вслух желание перевернуло мою жизнь с ног на голову. И вот я неизвестно где. Вокруг холодина и мрачные люди. Ах да, ещё меня чуть не приняли за шпионку! Но чтобы легализоваться в новом мире, всё же пришлось посетить градоправителя: угрюмого, резкого, даже хамоватого лестера Джерома Холстена, и он, нисколько не чинясь, предложил мне два пути... Фигу ему в руки, но третьей любовницей я ни за какие коврижки не стану!

© Лин А., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	17
Глава 6	20
Глава 7	22
Глава 8	25
Глава 9	28
Глава 10	31
Глава 11	34
Глава 12	37
Глава 13	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Айлин Лин

Эликсир красоты, или Это всё Она

Глава 1

Глава 1

Быстро толкнув дверь в ординаторскую, с облегчением выдохнула: никого. Мне необходимо было хотя бы пять минут побыть одной. Я так устала, словно не шестичасовую операцию провела, а как минимум тащила на собственном горбу железный плуг и таранила окаменелую почву.

На ходу вынула шпильки, и две косички забавно шлёпнулись на плечи. О, как хорошо! Взгляд прикипел к зовущему в свои объятия дерматиновому, обтёртому, потрескавшемуся во многих местах, дивану и пледу на нём, тоже не новому, но уютному и тёплому. Вот сейчас, как завернусь в него, да и покемарю от души! А потом поеду домой досыпать. Уже шагнула было к вождельённой цели, как краем глаза зацепилась за инородный предмет, которого в святая святых всех врачей нашей элитной клиники быть не могло. По крайней мере, без повода.

Большая коробка, обёрнутая в блестящую красную подарочную бумагу, с пышным серебристым бантом приковала всё моё внимание, и диван был позабыт, как и желание на него прилечь.

– О! Какая прелесть! – руки зачесались. Даже если это не мне, я лишь полюбопытствую, что за имя на вон том маленьком клочке бумаги. Шаг, второй, и вот я уже подле стола и читаю записку.

– С днём рождения, Мия! Пусть все Ваши мечты исполнятся, – прочитала я вслух, – днюха? Моя? – искренне изумилась я, залезла в карман и вынула телефон, сегодня только девятнадцатое. Взгляд на часы. Без пятнадцати двенадцать, а это значит, что даритель подсутился весьма вовремя и даже оригинально.

Пальцы нетерпеливо дрогнули. Я, недолго думая, споро развязала бант, затем аккуратно убрала алую фольгу и уставилась на кожаный коричневый чемодан, сделанный под крокодила. Ого! Кто-то раскошелился. Интересно, кто? У меня нет ухажёров или любовников, работа – моя вторая половинка, а заводить романы с коллегами – не вариант. Попробовала поднять за ручку, в принципе сносно, но всё равно тяжеловат.

Я, сгорая от любопытства, нажала на кнопки, и с тихим щелчком саквояж распахнулся.

– Вау! – выдохнула, глядя на новенький набор хирурга: блестящие из специального сплава зажимы, расширители, скальпели, иглы... Но это оказалось далеко не всё. Чемодан был трёхуровневым, и на втором находились всякие баночки со спиртом, зелёной, йодом, несколько блистеров парацетамола, столько же антибиотика, бинты, вата. Даже аскорбиновая кислота лежала в цветастой красивой обёртке с нарисованными апельсинами. Убрав в сторону и этот отсек, заглянула на дно. – Ууу... – мои губы вытянулись в восхищённую трубочку, и на свет я извлекла большую из тёмно-алого бархата косметичку, в которой лежало всё, о чём мечтают женщины любых возрастов: хайлайтер, корректор, румяна, набор теней, несколько разных помад (матовые, глянцевые, блески), три тональных крема, отличающихся оттенками и плотностью, жидкая подводка для глаз, и много-много всего, вплоть до небольшой упаковки ватных дисков и средства для снятия макияжа.

– Какой шикардосный сюрприз! Просто крышесносный! – прошептала я, бережно складывая всё в обратном порядке. – Надо же, а почерк мне совсем незнаком, – снова взяла в руки записку с поздравлением, и всё никак не могла определить, кто этот тайный Санта? Всех в нашем отделении я знала, корявые письма коллег читала практически каждый день. Загадка.

Пожав плечами, сложила обёртку вчетверо и засунула в чемодан, всё в хозяйстве пригодится, и бант тоже.

– Что же, хорошее начало! Пусть и остальные подарки не подкачают, – широко усмехнулась я и тут же устало вздохнула: глаза слипались уже с утроенной силой.

Защёлкнув замочек, сама себе удовлетворённо кивнула и без раздумий направилась в сторону широкого дивана, плюхнувшись на него, с тихим стоном вытянула гудящие ноги. Прикрыла глаза, собираясь чуток подремать – вести машину в полубоморочном состоянии для меня неприемлемый вариант: я девушка в самом расцвете сил, мне ещё жить и жить. А ей, жизнью, я дорожу необыкновенно, недостижимо высоко. Она бесценна!

– Вот бы сейчас на горнолыжный курорт, – прошептала я, уплывая в объятия Морфея. На краю сознания слышала, как пикнули часы, намекая, что уже ровно двенадцать. – С днём рождения меня! – нашлись силы прошептать.

Но задремать поглубже так и не смогла: мне вдруг стало как-то сильно тревожно и я, резко распахнув глаза, откуда только силы взялись? рванула к столу так, что сердце ходуном зашлось, и схватила саквояж, как будто он мне жизнь способен спасти. Нахмурилась, соображая, но думалка сегодня уже не фурычила. Странно всё как-то, необычно. Но вот поделаться с собой ничего так и не смогла – пальцы отказались разжиматься, и я вернулась с прижатым к груди чемоданом на диван, поставила его рядом с собой, сверху положила ладонь – так, на всякий случай, и только после этого, немного успокоившись, позволила тяжёлым векам хлопнуться...

Какой-то странный сон... я поморщилась, моргнула раз, другой, но что-то неприятно холодное продолжало колоть кожу лица и открытые части рук, не давая мне расслабиться, а ещё через секунду добавился ветер! Ооо, он налетел неожиданно и со всех сторон! Обдувая меня так, что мне с каждой секундой становилось очень, ну просто невероятно, холодно! Дыхание в зобу спёрло, грудь словно что-то сдавило стальными тисками, не давая мне нормально вдохнуть. Я всё же, практически титаническим усилием воли, смогла продрать слипшиеся веки, и ошалело уставилась перед собой: ледяные снежинки продолжали падать, а ветер, к которому примешалось странное шуршание, с каждым мигом становились всё сильнее и громче.

Да что же это такое?!

Резко сев от обуявшего ужаса и шока, чисто на автопилоте подтянула, сжимаемый левой ладонью саквояж к себе, и прижала его к груди, как щит от проблем, что надвигались на меня с неумолимой фатальностью...

– А-а-а! – запоздалая реакция всё же последовала, и я заголосила, не помня себя от страха.

Старенький ординаторский диван плавно скользил по относительно пологому склону вниз, с каждым мгновением всё набирая и набирая скорость, ибо спуск становился всё круче и опаснее; я же, по-дурацки раззявив рот и широко выпучив зенки, сидела и не знала, что мне делать? Разве что орать, чему я самозабвенно и предавалась!

Холод, свистящий в ушах ветер, снег, летящий осколками прямо в лицо – всё это было до жути реальным.

А пока мозг переваривал шокирующую ситуацию, мой «транспорт» повело резко вверх, а потом я стремительно полетела вниз.

– Уаа-а-ААА-Вии!!! – завизжала я пуще прежнего, и от этого кошмарного звука, помноженного эхом несколько раз, все птицы, жившие в неизвестном мне лесу, разом вспорхнули и пронзительно – осуждающе заверещали.

Но я оказалась громче и перекричать меня им так и не удалось. Срываясь на ультразвук, цепляясь заледеневшими пальцами-крючьями за чемодан и ручку многострадального скрипящего от натуги старого дивана, с развешивающимися за спиной двумя косами, я летела по гор-

ному склону вниз, навстречу просто огромному белоснежному, сверкающему в лучах восходящего солнца, сугробу.

А потом мелькнула леденящая мысль: если так голосить, то и лавину можно быстро получить, а от неё не спастись. Резко захлопнув рот, нашла в себе силы, и быстро оглянуться, вроде ничего такого нет. Но орать прекратила. Ненадолго.

Сонная хмарь слетела окончательно, и мозг заработал на всю катушку. Итак, впереди сугроб, об него, если он каменной твёрдости, легче лёгкого сломать шею, об остальном уже молчу. Сейчас я качусь достаточно быстро, но ещё можно отделаться простыми ушибами и синяками. Значит, поступим проще. И безопаснее для моего организма.

Все эти мысли вихрем пронесли в воспалённом сознании. А руки уже начали действовать.

Драгоценный чемодан полетел в сторону и плюхнулся куда-то, некогда было следить, куда именно. Затем я, недолго думая, сиганула с дивана вбок. Но так, чтобы плашмя, а не на ноги, ибо так проще было сохранить конечности без переломов. И покатила с боку на бок на приличной скорости. Адреналин зашкаливал, но я всё равно чувствовала и мысленно подмечала, где будут гематомы, вывихи и растяжения. Увы, я не каскадёр и такой прыжок совершаю впервые, без всякой подготовки и наставлений от знающего человека.

Пух! Хрум! Пуф!

И вот я влетела в сугроб. Выдохнула и уставилась на небо, местами затянутое облаками. Снег перестал идти и даже едва-едва, но пробились солнечные лучи.

– Кажется, жива. А значит, мы ещё поборемся и узнаем, что это такое сейчас... было! – матерясь и отфыркиваясь, перевернулась на живот, затем встала на четвереньки, после уже, шатаясь, приняла вертикальное положение.

Зябко обхватив свои плечи руками, глазами отыскала многострадальный диван, торчавший из огромного шара снега, идти до него было не очень далеко, поэтому я, скользя своими балетками, похромала сначала к нему. На диване был плед, способный мне помочь согреться, поскольку подхватить воспаление, или отморозить хоть что-то в своём теле, не было никакого желания.

Глава 2

Глава 2

До дивана я таки добралась, правда до этого момента всё же пару раз больно шлёпнулась на пятую точку. Когда это произошло во второй раз, я просто встала на четвереньки и поползла, а что делать? В данный момент всё моё тело представляло собой один большой синяк, оно нещадно ныло и скрипело, словно мне не двадцать восемь, а все семьдесят. Побитая, но не сломленная, с замёрзшими в край руками и ногами, залезла на задубевший дерматин и нашла-таки непонятно как не вылетевший в никуда плед. Тут же в него обернулась. Теплее не стало. Увы.

С тоской поглядела вдаль, в ту точку, куда предположительно ухнул мой уже всей душой любимый сундучок, пригорюнилась. Идти вверх по склону и искать его в глубоком сугробе не было никаких сил, а желание мой организм напрочь игнорировал.

Подул тихий, даже с какой-то ленцой, ветерок. Но он был вовсе не ласков, а колюч и холоден, пробирал меня до самых костей, и я вдруг отчего-то представила себя со стороны: сидит девица, как нахохлившийся воробушек, кутается в потёртый пледик и стучит зубами, губы синие, обескровленные, глаза полны паники и ожидания скорой смерти от обморожения. Такая себе картинка получилась. Встать бы да попрыгать – ножками подрыгать, разогнать кровь, но мои кости буквально примёрзли к диванной сидухе, и я даже не шелохнулась.

Неужели это конец? Вот такой странный и очень жестокий? А там остались родители, друзья, любимая работа. Я ведь ещё так много не успела, столько планов на жизнь, в том числе и на личную... Эх...

А может, это чья-то неудачная шутка? Меня перенесли сюда на вертолёте прямо на диване, а, чтобы я ничего не поняла, сыпанули снотворное в чай? И оставили тут, на склоне? Вот сейчас выпрыгнут операторы, защёлкают фотоаппараты и с криком: "Вас разыграли!", ко мне бросится толпа народа, размахивая плакатами и цветами? Я понимала, что это даже звучит бредово, но помечтать-то можно? Но всё же пару мгновений с надеждой глядела на безмолвный страшный лес.

С каждой секундой мысли текли всё медленнее и тягуче, меня неумолимо клонило ко сну: чуточку посплю, а потом решу, как поступить, наверное, соберусь с духом, заберу сундучок и пойду вдоль горы дальше, авось набреду на людей, вызовут скорую помощь, помогут чем смогут, хотя бы отогреют, дадут поесть горяченького...

Знала, что в таких ситуациях ни в коем случае нельзя спать, но истощение и шок, вкупе со зверским холодом, оказались сильнее, и я провалилась в приятный сон, в грёзы, наполненные радужными всполохами...

– Слышь, жинка, тут чёй-то лежит.

– Чаво?

– Какой-то монстряк... кажись, спать улёгся.

– Ой, Красий, – женский голос стал на полтона выше и зазвенел тревогой, – не говори таких вещей, не гневи Гайру (*прим. автора: богиня всего сущего в этом мире*)!

Шмык-хрум-хрум-шмык.

– Слухай, на этом... ммм... животном, девица лежит, коли zenки мои не подводят.

– Чаво?.. Э-как, и взаправду, молодая така, – женский голос наполнился сочувствием, – синюющая вся, змёрзла в край! И не монстряк-то вовсе, балбес ты старый, похож на лежанку странную, иноземная небось.

Хрум-хрум.

– Точноаа, там лесса спит, и вроде как исчо дышит, жива, кажись.

– Ну-ка, дед, посторонись, спасать буду!

Весь этот необычный диалог со странно исковерканными словами я слышала словно через вату, глаза ни в какую не хотели открываться, поэтому пришлось напрячь ушки. Сон какой-то слуховой получился.

– Хек! – крикнули прямо надо мной, и диван ощутимо дёрнулся, его быстро с громким скрежетом повело в сторону и вниз, от этого резкого движения, я всё же продрала глаза, чтобы уставиться на склонившуюся ко мне женщину... Проморгалась, сгоняя пелену, зрение сфокусировалось, и я увидела её, нет, не так – ЕЁ!

Ооо, что это была за женщина! Ростом чуть выше двух метров, с широченными плечами, в длинном кожаном тулупе, с меховой оторочкой по рукавам и вороту. И именно она вытащила из сугроба ординаторский диван. И меня, спавшую на нём. Холода я уже не особо ощущала, чувство апатии и неизбежности близкой гибели как-то подавили моё желание жить, и я стала равнодушной ко всему вокруг. Но женщина впечатлила, на короткий миг всполошив моё природное любопытство. Но потом веки сами собой начали закрываться и я снова поплыла в нежные объятия Морфея.

– Давай тулуп, старый, – гроыхнул голос богатырши, и я невольно приоткрыла один глаз. – Ты и так потерпишь, чай не впервой.

– Сгнобишь ты меня, Гарра, ой сгнобишь, одна куковать будешь, попомни моё слово! – ворчливо донеслось до нас, а через несколько секунд к нам вышел старичок...

Ооо, какой прикольный! Маленький, метр пятьдесят с хвостиком, щуплый с седой длинной бородой, забавной шапкой-ушанкой, с красным от мороза носом-картошкой и добрыми карими глазами, которые смотрели на меня с сочувствием и даже толикой переживания, он скинул свою дублёнку и протянул Гарре.

Но та, бросив на меня ещё один задумчивый взгляд тёмных глаз, вдруг сказала:

– Нет, твоя душегрейка не пойдёт. Лессу надобно укутать всю, – и принялась расстёгивать гигантские костяные пуговицы на своём тулупе, оставшись в какой-то шерстяной вязаной кофте, тётка ловко накрыла моё тело своей верхней одеждой, после безо всяких проблем, подняла меня на руки, при этом умудрившись спеленать меня, как ребёнка в пелёнку.

Я лежала, завернутая с ног до головы в тёплую дублёнку, и оттаивала. Постепенно вернулась чувствительность к конечностям, сопровождаемая острыми покалываниями по коже. Мне становилось с каждой минутой всё лучше и теплее. Как же хорошо! Мысли прояснились, я наконец-то могла думать и первое, что сказала, приоткрыв кокон:

– Мхм, уважаемая спасительница, – и тут же захлопнула рот. Вот те раз – язык не русский, и говорю я на нём совершенно свободно даже, кажется, думаю именно на нём.

– Шта? – не сбавляя шага, уточнила мадам, бросив на меня заинтересованный взгляд.

– Там остался мой... сундук, – выбрала я слово, которое больше всего подошло ситуации.

– Где? – голос принадлежал старику, который, оказывается, шустро перебирая ногами, чуть ли не бежал рядом с нами.

– Выше по склону, в сугробе, – ответила я.

– Подь, разыщи, – мотнула головой Гарра и уже мне: – лесса, закутайся, ещё долгонько до городка-то ехать. А вам беречься надобно!

Я послушно прикрыла щёлочку и даже смогла расслабиться. Вот это женщина. Настоящая богатырша! Такая на своём горбу любого коня утащит и даже не вспотеет.

Затем меня уложили на что-то мягкое, и я снова с отогретым любопытством высунула нос наружу: сани, просторные, гружёные какой-то травой, и забитые практически полностью полешками, а в уголке полулёжа расположилась я и тушки зайцев. Мёртвые глаза животных смотрели на меня осуждающе, укоризненно. Я ойкнула и снова нырнула в тёплое нутро телогрейки. Или как эта одежда называется? Явно кустарного производства и пахнущая потом и

кожей вперемешку с едва уловимым псовым амбре. Пошитая мехом вовнутрь – это, наверное, чтобы было мягче и теплее.

Снаружи слышались голоса странной парочки, потом рядом со мной поставили ещё что-то и дедок ворчливо произнёс:

– Лесса, сыскал я твой сундук, вона, рядом с тобой поставил, – и удаляющиеся шаги, я даже поблагодарить его не успела. Ну да ладно, ещё представится случай, ведь не запросто так они взялись мне помогать? Привыкшая, что за любую услугу чаще всего нужно платить, принялась думать, чем в данном случае мне придётся с ними рассчитаться?

Руки невольно потянулись к ушам и коснулись золотых гвоздиков с маленькими настоящими бриллиантами. Подарок родителей. Нет. Серёжки – это на самый крайний случай! Я вернулась после операции, на моих руках не было ни колец, ни часов. Зато в подаренном саквояже, в шикарной косметичке лежали несколько пробников духов, можно отдариться ими. Да, хороший вариант. Во все времена духи ценились высоко и стоили соответственно.

Ещё бы понять, куда именно меня занесло. И насколько далеко отсюда мой дом. Мне не верилось, что я не на Земле, люди те же, ну, подумаешь, во мне проснулась странная способность понимать иные языки, так это можно списать на банальный стресс. Мысли о попадании в параллельный мир или на иную планету гнала от себя поганой метлой. Нет уж, никакой попаданкой быть я не хочу! Принцы, драконо-принцы, воительницы-спасительницы человечества, или что там ещё моя ассистирующая медсестра любила пересказывать из прочитанных ею романов – всё это не ко мне, я просто врач, и у меня только одно желание – вернуться домой, к семье и к любимой работе.

Глава 3

Глава 3

Сани скользили ровно, иногда подсакивая на снежных кочках. Измученный организм напомнил о себе болями по всему телу: саднили кости, каждый растянутый сустав и шишка на затылке. А ещё всё никак не могла согреть пальцы на ногах. Даже испугалась, как бы они не отвалились, поэтом, подтянув ноги к себе, сбросила балетки и накрыла почти бесчувственные ступни чуть тёплыми ладонями. Через некоторое время в таком неудобном положении члены мои затекли и мне пришлось сесть по-турецки, пряча ноги, сама же, привалившись спиной к боковой перекладине, закрыла глаза. Мне хотелось плакать. Дурацкая шутка затянулась. Но в глубине души я уже знала, что всё это взаправду, и меня закинуло куда-то совсем не туда, даже язык такой я никогда не слышала, и в интернете тоже.

Женщина говорила довольно громко, явно несильно опасаясь хищников, что наверняка массово бродят по этому дремучему лесу. Старичок что-то мекал ей в ответ. Так и ехали. Я, убаюканная басовитым голосом Гарры и спокойным тонким Красия, всё же провалилась в небытие.

– Дверь отпирай, старый! Лессу занесём внутрь, худо ей, бедняжке, – чей-то голос был таким далёким, что едва пробивался сквозь вату, забившую мою голову и не дававшую внятно мыслить. Меня трясло и колотило. Кажется, температура, вяло думала я, пока меня, если судить по ощущениям, куда-то несли.

Шорох шагов по снегу, скрип отпираемой дверной створки, топот и тряска – явно мой носильщик оттряхнул обувь от налипшего снега. Потом меня, закутанную во что-то мягкое уложили на что-то твёрдое.

– Лежи, молодка, лежи, – ласково прошептали над головой, – токма надоть снять с тебя тулупчик мой, и накрыть пледом из шерсти, так оно удобнее будет, и тебе дышать полегче станет, – приговаривали ласково. Раз! И я ощутила минутный холодок по обнажённой коже рук и шее, невольно поёжилась и даже смогла приоткрыть свинцовые веки. Но потом меня снова укрыли, чем-то гораздо мягче и легче, и, действительно, стало свободнее дышать. – Щась, бабка Гарра настойку сготовит, бульон мясной, отпоим тебя, выходим. Не сумлевайся. Аки какая красивая ты и юная. На дочку мою похожа, – голос стал грустным, тоскливым. – Ну, хватит вспоминать былое, – сама себя одёрнула тётка, – дело сделать надобно.

Послышались шаги и возглас:

– Дров натаškai, Красий! Маленько осталось туточки.

Потом какой-то стук металла о металл, ещё что-то, как будто двигали стол, и я, выдохнув жар из воспалённого горла, по ощущениям мне насыпали туда стекловату, попыталась уснуть...

– Лесса, милушка, а ну-ка, испей-ка, – мне приподняли голову, в губы уткнулся край чаши и я невольно сделала глоток. Вкусный наваристый бульон вполне комфортной температуры, целебным ручейком потёк в истощённый организм, я, наплевав на боль при глотании, присосалась к угощению, как клещ, и не успокоилась, пока всё не выпила. О, какое это было блаженство!

– Полежи-ка чуток, скоро взвар с парой капель маг-эликсира подостынет, принесу. Лечить он тебя будет. Остатки у меня кой-какие есть, с прошлых лет ещё заслужила, вот и пригодился. Нам, старым, без надобности, помирать скоро, а вот тебя я вытащу, чаво бы то не стоило!

Ничего толком не понимая из её речи, я, укутанная по самые уши в шерстяной тёплый плед, чуть не уплыла в тёмные воды сновидений. Но забыться мне не дали. И вот снова кружка у губ, голова моя приподнята и мне хочешь-не хочешь, пришлось проглотить отвратную на

вкус густую субстанцию. Она комом ухнула в полупустой желудок и мне тут же захотелось выплюнуть её обратно.

– Тиш, лесса, погодь. Щас получше станет, верь старой Гарре, – меня ласково погладили по голове ладонью, такой же большой, как вся моя черепушка. Я не стала спорить, плотно сомкнула губы и старалась даже дышать через раз. Воняла настойка старым проваренным башмаком или чем-то подобным, о, ношенными – переносными грязными носками. Фуу! Такая гадость, что больше ни в жись!

Но, как это ни странно, через несколько томительных секунд, "холодец" каким-то образом рассосался в желудке и даже отвратный запах исчез. А в солнечном сплетении в моём уставшем бедном теле словно расцвело лето.

– О, исчо действует! – на краю сознания, услышала я голос Красия.

– Ну-ка, кыш отседова! Чаво сюда, глядишь, вишь, лечимся, – ответила Гарра, но я уже отрешилась от реальности.

Крылья сумасшедшей эйфории понесли меня вверх и вниз, прямо внутрь моего организма. Я словно со стороны видела, как исчезают гематомы и уменьшается шишка на голове, розовеют пальцы на ногах и оздоравливаются суставы, даже начавшееся воспаление верхних дыхательных путей нивелировалось. Это было фантастически прекрасно! Я аж размечталась, что сейчас и вон те трещины на рёбрах исчезнут и подлечится надоевший пояснично-крестцовый и грудной остеохондрозы, но неведомая сила обошла их стороной. Лёгкое разочарование мигом прошло, когда я поняла, что в целом вполне здорова!

– Спи, лесса. Силы на лечение эликсир из тела берёт, ничо зазря не делается, любая воржба – большая плата и тебе ичсо долго восстанавливаться, – прошептала добрая женщина, приютившая непонятную незнакомку, то есть меня.

Прежде чем провалится в такой сладкий и желанный сон, я всё же усилием воли открыла глаза и уже более осмысленно оглядела окружающую меня обстановку: напротив и рядом – стены, из плотно сложенных брёвен, слева ширма из какой-то знавшей лучшие времена тряпки в заплатках. Над головой возвышалась давно небелёная печь. От неё тянуло приятным теплом. В доме пахло тем самым отваром, но уже не так остро и тошнотворно, как в момент его варки и потом моей экзекуции – надо же, я выпила это пойло и даже удержала его в желудке! Считаю, мой личный подвиг!

Кровать, на которую меня положили, оказалась дощатой и узкой, рассчитанной на одного человека; подо мной лежал какой-то тонкий матрасик или ещё что-то наподобие. Вся обстановка напоминала домик в деревне, люди точно жили небогато, но, возможно, я ошибаюсь.

Устало прикрыв веки, подумала, что вот вроде бы пару минут назад чувствовала огромный прилив сил, а поди ж ты, сейчас словно из меня вынули стрежень, стало даже хуже, чем до приёма настойки, вот только температуры не было.

– ...Гарра, если она шпиёнка из-за горя приболудилась? А? Документики у неё испросить надобно! – услышала я, прежде чем уснуть.

– А ну, говорилюню-то свою прикрой! – стараясь шептать, ответила женщина, но у неё ничего не вышло: басовитый голос понизить ей всё же никак не удавалось. – Ты глянь на неё: худая, в мужниных одежах, чуть ли не в чём мать родила. Шпиёны так не ходят, они выглядят аки мы. Как там, енто слово, такое... – она пощёлкала пальцами, вспоминая, – о! Сливаются с местными! Вспомнила, а-то память совсем никудышная стала. А волосы её, видал? Как солнце горят! Загорные чёрнявые усе! Так шта она точно не от ворогов пришла, – припечатала напоследок Гарра и добавила уже более-менее миролюбиво: – давай ужинать, штоль. Живот тянет, давно ничего не едали.

– Документы всё же спросить надобно. Ежеди ОН узнает, нам несдобровать. Я пытался её чудную сумку открыть, и так и эдак приноравливалси, не вышло. Уж больно замок сложный, хитрый.

– Ты чего удумал, старый? Совсем ополоумел, что ль? – снова зашипела на него рассерженной кошкой тётка. – По чужим вещам копать! Вот встанет лесса на ноги, сама у неё всё выпрошу. Документы тожа. А коли нет их, так делать нечего, пойдём на поклон к храдоправителю.

Значит, нужны бумаги, подтверждающие мою личность, а у меня в кармане брюк, если только не выпал, лежит бейджик с именем и должностью. Возможно, сойдёт? Пока не проверю – не узнаю. За этими мыслями я провалилась в исцеляющий глубокий сон, и на сей раз меня не мучили ни жар, ни холод в конечностях. Я выжила, а, значит, мы ещё поборемся!

Глава 4

Глава 4

Пробуждение было... сносным. Это слово подходило больше всего. При этом провалами в памяти я не страдала и прекрасно знала, кто я и где нахожусь, а также благодаря кому всё ещё жива. Двое незнакомых мне людей взяли и по доброте душевной влили в меня какую-то жидкость, в силах которой оказалось восстановить моё здоровье до состояния "полёт нормальный".

Медленно открыв глаза, прислушалась. В доме было тихо. Ни шороха, ни шагов. Вообще ничего.

Откинув шерстяной плед в сторону, свесила ноги с лежанки: на мне мои же носочки и больничная форма. Помятая и грязноватая. Никто меня и не подумал переодеть во что-то другое.

Пожав плечами, поднялась и тут же забралась назад. Доски пола холодили. По таким в тонких следиках не набегаешься – мигом простудишь всё, что можно и нельзя. Взглядом скользнула по своему закутку и в тёмном углу тут же выпятили стоящие там короткие угги. О, то, что надо! Добежать до них – дело секунды, натянуть ещё быстрее – я в них просто утонула. А после, кутаясь в плед, отодвинула ширму и выглянула наружу. Большая комната освещалась тусклым дневным светом из единственного маленького окошка, забранного чем-то мутным. Точно не стекло и даже не слюда, которую я видела в исторических статьях о Средневековье. Предположу, что это бычий пузырь. Бее! Гадость.

В центре помещения стоял грубо сколоченный стол и две лавки по его бокам, такие же неказистые и непрезентабельные на вид. Взгляд зацепился за серую мятую холстину, прикрывавшей что-то, я любопытна от природы, посему, быстро подойдя к столу, заглянула под тряпицу. Еда. Краюха хлеба, даже на вид чёрствая, глиняная кружка молока и ещё тёплая каша с кусочками мяса внутри. Желудок взвыл и я, недолго думая, присела на лавку, подтянула к себе миску и, задумчиво повертев в руках круглую, вырезанную из дерева ложку, принялась за угощение. И неважно, что остыло, для меня всё казалось невероятно вкусным, настолько, что даже мелькнула мысль – это самый лучший завтрак в моей жизни! Утолив первый голод, замедлилась и, неспешно жуя, продолжила оглядываться.

Печка примыкала одной стеной к моей коморке, но огня внутри неё я не заметила, хотя было и не холодно, по всей видимости, дрова прогорели не так давно. Взгляд зацепился за дальний угол, где стояла тоже лавка, но в полтора раза шире той, на которую я устроилась. На ней лежала подстилка и сверху тяжёлый плед. Чьё-то спальное место. Позади печи тоже углядела край каких-то тряпок, видать, там спал дедок, ибо Гарра со своим внушительным ростом точно туда не поместится, разве что сложится пополам, и то навряд ли. Представив эту картину, тихо прыснула. И охнула, закашлявшись – всё же пребывание на морозе оставило в организме приличный след. Волшебный эликсир помог, но не излечил меня полностью. Также под оконцем стояла два больших деревянных сундука, обитых железными пластинами, с примитивными затворами. Наверное, там лежали личные вещи хозяев дома. А ещё на одной из стен, на вбитых крючьях висела разнокалиберная посуда. И некоторые были явно сделаны из железа.

Молоко было вкусным, с плёнкой жирных сливок сверху. Я его выпила, смакуя, растягивая удовольствие.

– Небогато живут люди, однако, – покачала головой я. Мой чемоданчик стоял у входной двери на табурете о трёх ножках, в той же стороне в углу висела какая-то странная картина с мелкими письменами, прочитать, что там написано, я так и не смогла. Может что-то вроде местного божества? Не знаю.

Доев всё до последней крошки, почувствовала, что батарейка почти закончилась и мне срочно нужно прилечь, но для начала полезла в карман брюк, достала бейджик. Моя цветная фотография, имя, фамилия, должность. Всё на русском языке, продублированное на английский: в нашей клинике часто обслуживались иностранцы. Вполне сойдёт за документ, подтверждающий мою личность. А также сойдёт за доказательство, что я неместная и вполне могу быть шпионкой. Неприятно, но факт. Поэтому повременим предъявлять, оставлю на самый крайний случай. Раз тут такое напряжённое отношение к неведомым людям из-за гор, возможно, страны на пороге войны, то мне лучше не светить странными бумажками и письменами. Целее буду.

– Где бы посуду помыть? – пробормотала я, подошла к печи, отодвинула заслонку: внутри стоял казанок, прямо на углях, с плотно прикрытой крышкой, возможно, там и варилась каша. Пришлось, кутаясь в плед, выйти в сени. И тут же я ощутила разницу между натопленным помещением и холодным "предбанником".

Быстро оглядевшись, нашла ведро с водой уже затянутой тонкой ледяной пластинкой, и пустой деревянный таз подле. Деваться некуда, треснув кулаком по корочке, перелила немного воды в тазик и рванула назад в тепло.

Сполоснув посуду, деревянную, но целую, без сколов и трещин, составила её на холщовое полотенце, а таз отодвинула чуть подальше – выбегать на улицу, чтобы вылить, когда ещё не до конца выздоровела – на такие жертвы я была неспособна.

Подхватив красными от ледяной воды руками свой сундучок, вернулась в закуток за ширмой и, убрав его в угол, легла на кровать. Сама не заметила, как уснула.

А проснулась от громких разговоров, даже смеха: Гарра смеялась, видать, Красий знатно её позабавил. Погреть уши мне никто не дал – шторку резко откинули и женщина, улыбаясь, спросила:

– Вижу, позавтракала. И посудку сполоснула, не белоручка, значица, – одобрительно покивала она, пряди её седых волос были заправлены под светло-серый платок. – Что же, вставай, лесса, ужинать пора. Опосля поговорим.

– Мне в туалет нужно, – пискнула я, поскольку если утром позывов не было: жар и стресс забрали из меня все соки, то сейчас нужда накрыла так, что стало невмоготу.

Тётка всплеснула мощными ручищами и, выйдя из моего угла, направилась в сени, откуда принесла какие-то вещи:

– Вот, полушубок деда накинь, платок пуховый на голову натяни.

Я уже натянула угги и последовала совету хозяйки дома. Красий сидел за столом, и с хитринкой поглядывал на нас, параллельно что-то стругая из куска тёмного дерева.

– Отхожее место на заднем дворе, сразу заметишь, – напутствовала меня тётка, – токмо энту обувку на улицу носить не след. Возьми в сенях любые другие. Ах да! – словно что-то вспомнив, Гарра подошла к одному из сундуков и, откинув увесистую крышку, вынула из его нутра носки. Неказистые, без внятной пятки, и протянула мне.

– Вот, теплее будет.

Уже выходя в "предбанник" услышала ворчание Красия:

– Старуха, ты так все мои вещички раздашь. Голым меня оставить задумала?

– Не брюзжи, старый!

Дальше слушать не стала, в сенях стало темновато – в окно уже не заглядывало солнце, в свои права вступал вечер. Уличные сапоги, изрядно изношенные, стояли в стороне. Схватив первые попавшиеся, рванула на улицу, кутаясь в тёплый платок и шубку, пошитую из многочисленных заячьих шкур.

Ветер со снегом ударил в лицо, иголками пробежавшись по коже. Первые секунды я даже задохнулась от восторга. Домик странного семейства стоял на отшибе, вдалеке виднелся тот самый густой лес и горы. Каменные гиганты неприступной цепью тянулись и тянулись, я

не видела им конца. Их вершины словно стремились проткнуть темнеющее небо насквозь и дотронуться до звёзд, что уже проявились на небосклоне.

Но приземлённые потребности вернули меня в реальность очень быстро и я, оглядев-шись, по утоптанной в снегу тропинке, обогнула строение и оказалась на заднем дворе с тремя хозяйственными постройками, одна из которых точно была конюшня – слышалось фыркание лошадей, другая – сарай, где, по всей видимости, держали птиц и свиней. И в углу приткнулся всем известный из деревенской жизни скворечник.

Вернувшись в дом, прислонилась к печи, чтобы согреться: уличный туалет, как и ожида-лось, был продуваемым всеми ветрами. Старики уже расположились за столом и ждали только меня.

– Давай помогу руки обмыть, опосля за стол сядешь, – велела Гарра.

Молча кивнув, прошла в указанную сторону, на печи стоял металлический таз, рядом с ним что-то похожее на мыльницу: продолговатую и глубокую. В ней лежала какая-то чёрная склизкая масса. Походу мыло. Покачав головой, зачерпнула чуток и принялась мылить ладони. А женщина подливала из ковша.

Сели за стол. Гарра и Красий прикрыли веки, сложив руки перед собой ладонями вверх, и что-то зашептали. Я, не будь душой, повторила, только ничего не шептала.

– Вот и ладошки, вот и славно, вознесли благодарствие Великой Гайре, теперь и поесть можно.

Сняв крышку с казанка, подхватила монструозный половник и разлила по глубоким мис-кам горячую жидкую похлёбку. По помещению поплыли аппетитные ароматы. Ммм, как же я проголодалась!

Еда была нехитрой, но вкусной, вприкуску с тёмно-серым хлебом ещё и сытной. Мясa не очень много, но хотя бы столько.

– Ешь-ешь, лесса, не торопись. За суетой еда плохо в животе уляжется, крутить нутро начнёт, – посоветовал Красий, всё это время молчавший.

Доев свою порцию, отложила в сторону ложку и внимательно взглянула на хозяев дома.

– Сейчас кружки травяным взваром наполню и поговорим, – многозначительно посмот-рев на меня, заявила Гарра и тяжело поднялась со своего места.

Глава 5

Глава 4

Исходящие паром кружки стояли напротив каждого из нас, но мы молчали. Я всё ждала, что Гарра заговорит первой, а она, по всей видимости, думала, что мне есть, что сказать.

– Мхм, – подал голос Красий, первым не выдержавший разлитого в пространстве напряжения. – Лесса, давай так. Ты скажи нам немного о себе, откуда ты? Кто твои родители?

– Я... – если честно, я растерялась. Они насели на меня как-то уж очень неожиданно, скопом. Не скажу, что не думала над тем, что буду им говорить, но всё же собрать все мысли в кучу не успела. – Не помню ничего. Но у меня есть вот это, – я вынула свой бейджик и положила его на тёмную, знавшую лучшие времена, столешницу.

Старик был ближе и взял ламинированную вещицу в руки. Повертел и так и сяк, чуть ли не облизнул и недоумённо вскинул свои карие глаза на супругу.

– Это не наши письма! – его голос обвиняюще задрожал, и даже стал немного визгливым.

– Дай сюда! – рыкнула Гарра, ловко выхватывая многострадальный бейджик и поднося его к глазам. – Неизвестная письменность, – начала бормотать женщина, – народ из-за горя использует иную... и эти закорючки вообще ни на что не похожи... ни вот эти, ни эти, – тыкала она на русский текст, следом на английский. – На своём веку я много где была, но таких букв никогда не встречала. Мхмхм, – пропыхтела Гарра и вскинула на меня свои карие глаза. – Говоришь, что ничего не помнишь?

– Более того, я не знаю, каким образом очутилась на той горе, на своей кровати, которая ко всему прочему, катилась вниз! – моё сердце при одном воспоминании об этом самым натуральным образом ускорило бег. И это не скрылось от сидевших напротив меня людей.

– Не переживай так, девочка, – голос Гарры потеплел. – Что же. На шпильку ты непохожа. Но это уже не нам решать, а главному в городе. Встретиться с ним тебе всё равно придётся. Показать тебя людям без документов никак не можна! – припечатала она увесистой ладонью по столешнице так, что я вздрогнула. – Вижу, вопросы есть у тебя, задавай! – щедро предложила она.

Я же, подхватив кружку двумя руками, чтобы согреть озябшие ладони, задумчиво сделала маленький глоток. Напиток был заварен из листьев ромашки и каких-то кислых ягод. Но мне понравилось.

– Как называется ваше государство? – решила и замерла, ожидая услышать хоть что-то знакомое.

– Ральгот, – последовал ответ, – королевство, – добила она меня, я устало прикрыла веки. Я не дома. И даже если это моя любимая Земля, то другая. В историческом прошлом моего мира нет ни единого упоминания о подобном месте. – Сейчас ты находишься в приграничном городе Эльм. По закону всем жителям после рождения дают документ с именем и где родился. Печать стоит королевская. Тебе така бумага, жуть, как надобна! Иначе в темницу упекут. Я могу назвать тебя своей племяшкой. Прибыла издалека, из деревни Вёсна, таких много по королевству, в дороге грабители напали, усё забрали. Поручиться можем, мы оба. – суровый взгляд на старика. Тот согласно закивал, быстро-быстро, как китайский болванчик.

– А взамен? – не верю, что бесплатно мне помогут.

– Шта? – вылупилась тётка на меня, – а, ты об аплате баешь? Не надо нам, старым, уж ничего. Век свой доживаем. Нутром чую, помочь тебе надобно. Гайра Великая забрала дочь мою, годков ей было, как тебе. И вот, в ответ на мои молитвы, ты упала к нам с небес.

Мне было жутко стыдно, что я им лгу. Но кое-что, прежде чем на что-то решиться, я должна была всё-таки выяснить.

– Почему вы называете меня лесса? – задала ещё один интересующий меня вопрос.

– Так ты явно аристократка, – пожалала плечами Гарра, её речь чуть выровнялась, куда-то подевались просторечные закидоны. Ох и непростая передо мной сидит женщина. – Посмотри на свои руки, – велела она и я на автомате последовала её словам, уставилась на свои мягкие ладони с аккуратным коротким маникюром. – Они никогда не держали в руках что-то тяжелее этой ложки, – веско добавила хозяйка дома. – Твои волосы блестят, как шёлк, от тебя приятно пахнет. Твоя кожа полупрозрачная и чистая, как первый снег.

Я смотрела на неё и мысленно с каждым словом соглашалась. Я врач, мой инструмент – это руки, ловкие пальцы. За ними я всегда тщательнейшим образом ухаживала. Впрочем, как и за кожей тела, за волосами.

– Тогда как градоправитель поверит в наше родство, если я лесса? – логично поинтересовалась я.

– Даа, дела, – почесал макушку Красий.

– Приоденем тебя в привычную одежду, руки сажей замажем, и хорошо будет, – начала прикидывать варианты Гарра, а я всё больше каменела, мне всё это категорически не нравилось, но и лучшего варианта пока предложено не было. Нужно легализоваться в этом мире любыми способами, а потом искать дорогу домой. – Что тут написано? – отвлекая меня, Гарра резко пододвинула ко мне бейджик.

– Пластический хирург, Мия Лис, – прочитала я, – меня, скорее всего, именно так и зовут.

– А шо таке пласти-шта? Рург? – вылутился на меня Красий.

– Пластический хирург, – автоматом поправила его я.

– Ты помнишь, что сие значит? – нахмурилась Гарра, даже не попытавшись повторить странные слова за супругом.

– Да. Знаю. Лекарь, – не стала кривить душой, сказала правду.

– Такмо ты целительница, ооо, – глаза старика стали круглыми как те блюдца для котят. – Это весьма, хмм, неожиданно!

Хозяйка дома, напротив, стала очень тихой и задумчивой.

– Вот шта, – её молчание длилось неприлично долго, минут десять точно, и всё это время я неторопливо попивала чай, смакуя приятную кислинку и терпкость ромашки. – Лесса Мия, поступим так...

– Стойте! – не ожидая от самой себя, заговорила я, перебивая женщину, – я сказала вам не всю правду.

Вдох-выдох и как в ледяную прорубь с головой, выпалила:

– Я из другого мира! Но вот как оказалась на том склоне и правда не знаю. Проснулась из-за летящего в лицо колючего снега. И ледяного вихря.

Трещал огонь в печи, завывал ветер за хлипким оконцем, пыхтел недовольно Красий, но Гарра отчего-то вдруг улыбнулась.

– Вот вишь, старый, – не глядя на супруга, ткнула она его в тонкую руку указательным пальцем, от неожиданности старик ойкнул и потёр предплечье, морщась от боли, – а ты не верил. То воля богини нашей милосердной. Мия, знай, я постараюсь, чтобы у тебя всё сложилось благополучно. Случаев, подобных твоему, я в своей долгой жазни никада не видала. Но, может, были, токмо им не повезло, да сгинули, кто где.

Её слова заставили поёжиться. А также я думала, что на меня сейчас посыплется град вопросов, но их всё не было. Эти люди отличались завидной сдержанностью и добротой. Щедростью. Всё же мне очень повезло попасть именно к ним.

– Девочка моя, – негромко заговорила Гарра, подпалив лучиной промасленную дурнопахнущую ткань, лежавшую в животном жиру в глубокой миске. Боже, у них даже свечек нет! – Когда на днях соберёмся к правителю, молчи. Он суровый дядька, если заподозрит ложь – раз-

бираться не станет. Но справедливый. Я обскажу дело так: ты моя племянница, тебя обокрали по пути ко мне, сирота. Бумажки пропали. Он выпишет цидулку временную. А опосля токмо верная служба короне поможет тебе заслужить справный документ, какой положен.

– Можно поподробнее, что за служба?

– Ну, приставят тебя к работе, какой-нить, – пожал плечами Красий, – ты, главное, на всё согласная будь. Посудомойкой, али полы драить, может, повезёт и в доярки пойдёшь, всё подойдёт. Год поработаешь, там и бумаги получишь.

– Но я ведь лекарь! – мои глаза полезли из орбит, я даже мелко затряслась от описанных перспектив. Мне по-настоящему стало дурно, и в висках неприятно заломило.

– Целители – птицы высокого полёта, – покачала головой Гарра, подходя ко мне и накрывая мои плечи платком. Сочувственно сжала мне руки. – Документы надобны, что ты учёна.

А их у меня не было.

– И эту писульку спрячь, – она подвинула ко мне бейджик, – а лучше сожги. Не надобно, чтобы случайно кто увидал.

Быть дояркой? Поломойщицей? Я уважаю любой труд, но ведь мои руки после такой изнуряющей работы перестанут быть гибкими и чувствительными.

Понурая, чуть не плача, потащилась в свой закуток. Мне нужно было подумать, и лучше это делать с утра.

– Поспи, деточка, – ласковый голос Гарры долетел до меня, и я, полуобернувшись, вымученно улыбнулась:

– Доброй ночи. И спасибо вам.

Стараясь отвлечься от мрачных перспектив, переключила всё своё внимание на другое: на то, что моё сознание как-то своеобразно переводит говор колоритной парочки на какую-то смесь странного простонародного русского. Забавно. Но что есть – то есть, главное, мне всё понятно. А ещё примечательно, что отвечаю я им на том же языке, но без вот этих странных коверканий и вполне литературно.

Думая обо всех этих необычныхностях, потихоньку уснула. Будет новый день, появятся и решения.

Глава 6

Глава 6

Новый день наступил и принёс ещё больше вопросов, чем прошлый. Оказывается, добродушная необычная старушка Гарра решила снабжать меня новой информацией постепенно. Дозированно. Вот вроде и понимаю, что так лучше всего, но я люблю всё и сразу, но всё же своё недовольство постаралась припрятать поглубже. И внимательно слушала всё, что она мне говорила.

– Лестер Джером Холстен – главный в городе. И он любит красивых женщин, – она многозначительно подвигала седыми кустистыми бровями. – А ты очень привлекательная.

– Оттого вы собираетесь измазать меня в саже? – догадалась я.

– Да, это, наверное, хлавная причина, – покивала женщина. – У него сейчас, если верить слухам, две содержанки, такие красавицы, что глаз не оторвать!

– Мне нет дела до какого-то там Холстена и его любовниц, – устало вздохнула я, потеряв виски. – Если вы думаете, что я откажусь от предложенной вами маскировки, то ошибаетесь – не откажусь. Я всё обдумала, сразу, как открыла глаза. Мне нужны ваши документы, удостоверяющие мою личность. Без них, если верить всему услышанному, мне просто не выжить в вашем мире. А также не стать тем, кем я и являюсь – лекарем. Ведь чтобы поступить в ваши академии по целительскому искусству, нужен паспорт, то есть документик, верно?

– Верно, – кивнула тётка. – Погодь, – она тяжело встала и прошла к печи, вынула оттуда специальным прихватом глиняный большой горшок, и, убрав крышку с широкого горла, помешала наш будущий завтрак.

Сегодня я встала затемно – и в этот раз внутренний будильник не подвёл. Мне нужно было о многом подумать, принять хоть какие-то решения, составить правильные вопросы.

– Гарра, я могу градоправителя попросить приставить меня на кухню помощницей? Или в местную лечебницу на должность подай-принеси?

Хозяйка дома, не отвечая, вернула тару назад в нутро пышущей жаром печи, поставила на место заслонку и только после этого повернулась ко мне, задумчиво хмурясь.

– Можешь, конечно. Токма помни, лучше не болтать с ним. Взгляд его не каждый выдержать способен. Он же из этих! – её указательный палец выстрелил вверх, намекая на что-то мне непонятное.

– Этих, это каких? Он бог, что ли? – опешила я, ничего не понимая.

– Да ты что! – ахнула женщина, прижав широкие ладони к румяным щекам. – Он из семьи Хойлов, точнее, из побочной ветви. А они держат магические озёра. Самые могущественные люди по эту сторону земли.

– Вот, кстати, о магии, – восторгалась я, это был один из важных вопросов, который меня очень интересовал. – Что за средство вы мне дали, когда принесли в дом?

– Эликсир здоровья, – тут же ответила Гарра, натягивая на себя тулуп, – очень дорогой и редкий, даруется личным охранникам сиятельных господ, – без запинки и коверканий выдала она. Я сделала вид, что ничего не заметила, придёт время, она сама мне всё расскажет.

– Каша почти дошла, ухватом вынь и снейдай. Красий и я быстро в лес сходим, проверим петли. После вернёмся и поедим. Запрись на засов и никому не открывай, – и быстро вышла, хлопнув тяжёлой дверью.

Значит, когда-то Гарра была телохранительницей какого-то аристократа? По всей видимости, так оно и было.

– Что же, чем дальше в лес, тем злее волки, – пробормотала себе под нос. Метнулась в свой закуток и вынула заветный чемоданчик. Поставив его на стол, споро щёлкнула замками и откинула крышку. Итак, все лекарства на месте, антибиотики, парацетамол, и многое-многое

другое. И баночки с витаминами. Мне нужен был С. Вот он. Его в наших телах всегда дефицит, его необходимо принимать каждый день, витамин этот водорастворимый и не принесёт вреда организму, а передоз скажется бурной реакцией кишечника. Пачка магния. Схватив и то и другое, тут же выпила витамин С двойную дозу, а магний припрятала под тощую подстилку.

После достала зеркальце и оценила свой бледный вид. Одни глаза с тёмными кругами под ними и остались. Быстро же щёки впали. Покачав головой, вернула всё на место, а саквояж поставила под лежанку.

Я как-то несколько раз гостила у бабушки в деревне. Но то было в далёком детстве, и к печи меня никто не подпускал. Придётся действовать согласно увиденному у Гарри.

Надев толстые стёганные рукавицы, которые были мне ну очень большими, осторожно убрала заслонку, морщась от пыхнувшего в лицо жара. Затем подхватила рога.

– Какой тяжёлый, – просипела я, натужно поднимая палку с двумя металлическими скруглёнными рогами на конце. Еле-еле впихнула его в зев печи и с пятой попытки всё же смогла подцепить горловину горшка. – Так, хорошо пошёл! – пыхтела я, натужно потянув на себя сосуд. Таки вынула свой будущий завтрак, но в какую-то секунду что-то пошло не так. Совсем не так! Я ошалело смотрела, как руки меня не слушаются, как я не успеваю ничего сделать, а тара вот-вот и грохнется на пол.

– Держи вот так, – неожиданно позади меня раздался бархатный мужской голос, и кто-то, нагло обхватив меня со спины, крепко сжал черенок ухвата своими лапищами, таким образом выравнивая сосуд и не давая ему перевернуться. И также ловко поставил на небольшой уступ в печи.

А я так и стояла, ни жива ни мертва, сердце колотилось где-то в горле, а ещё я подумала, что тупо забыла запереть входную дверь.

Дыхание незнакомца обдувало шею, заставляя меня ёжиться от неприятных предчувствий.

– Кто ты, красавица? И что делаешь в доме Гарри-затворницы? – прошептал он над моим ухом и я, резко отодвинувшись, как горная козочка (и откуда только силы взялись?), отскочила от мужчины как можно дальше.

Парень был хорош собой, темноволос, высок и широкоплеч. За густой бородой не рассмотреть нижнюю часть лица, но челюсть у него точно была тяжеловата. Красивый и опасный. А вот взгляд тёмно-карих глаз незваного гостя мне совсем не понравился: оценивающий такой, липкий даже, он разглядывал меня на грани приличия и похоти. Что за мутный типчик пожаловал? И какое у него может быть дело к Гарри?

Глава 7

Глава 6

– Так кто ты? – по-птичьи склонив голову к плечу, снова спросил он, продолжая сверлить меня своим немигающим тёмным взором. Чем-то он напомнил мне большую хищную птицу.

– Племянница. Гарра тётка моя, – без запинки, не моргнув и глазом, солгала я, крепко держа рогач в руках. И сейчас, когда в крови бушевал адреналин, его тяжесть практически не ощущалась.

– Родня, значит, – хмыкнул он, делая осторожный шаг ко мне, – интере-еесно, – протянул незнакомец. – Ты на неё совсем не похожа.

– Пошла в свою маму, – ухват опасно качнулся в его сторону. Мужик замер, почувствовав мой настрой.

– Давай ближе познакомимся? – не став рисковать, он резко развернулся, подошёл к столу и уселся на лавку. И стал чего-то ждать. Каких-то действий от меня.

– А вам не кажется, что в чужом доме так себя вести минимум неприлично? – прищурилась я, перехватывая свой двузубец так, чтобы черенок упёрся в пол, а рога в потолок.

– Учёная? – усмехнулся мужчина, продемонстрировав мне небольшую диастему (щербинка) между передними зубами. – Даже горячего взвара не предложишь? В благодарность за спасённую кашу.

Я отчаянно мотнула головой.

– Тоже как-то невежливо получается, не находишь? – отзеркалил он мне. – А ещё одета ты в мужнины штаны и рубаху. А это тоже, знаешь ли, неприемлемо.

Меня отчего-то пугал и раздражал этот человек. Но показывать свой страх перед ним – нет уж, увольте!

– Приличной девушке быть наедине с незнакомым мужчиной нельзя, – быстро нашлась с ответом я и не прогадала.

– Тут ты права, – вдруг согласился он со мной, а его глаза нет-нет, но косились на опасный ухват в моих руках, – я, пожалуй, пойду. Передай своей тётушке, что заходил смотритель нижнего города. Рурк Грегор. Она всё поймёт.

И медленно с ленцой поднялся.

– Ещё увидимся, красотка, – на прощание добавил он и медвежьей поступью, вразвалочку направился к выходу.

Стоило тяжёлой дверной створке за ним закрыться, как я, отчаянно напрягая слух, прислушалась: вот он прошёл ко второй двери в коридорчике, скрипнули старые петли и человек вышел на улицу. Не став более медлить, дрожащими руками прислонив к стене рогач, рванула к двери и быстро опустила засов в паз. После чего, прислонившись к ней спиной, замерла, чтобы перевести дыхание.

Вот растяпа! Сказано же было, запри дверь на засов! А если бы это был какой-нибудь лесной разбойник? Дом-то стоит, считай, на самом отшибе!

Думать о том, что со мной мог сотворить этот Рурк, вовсе не хотелось.

Зябко обхватив плечи, вернулась к печи, чтобы немного отогреться.

Минут пять я пялилась в открытый очаг, в голове было пусто.

Где-то далеко заржала лошадь и я наконец-то пришла в себя.

Надев стёганные варежки, вернула заслонку на место, ухват переместила за печь. После чего, стараясь не обжечься, наполнила свою миску горячей кашей с редкими волокнами мяса.

От пережитого стресса в желудке началась революция: его завывания, скорее всего, были слышны в другой части города.

Не чувствуя вкуса еды, обжигаясь и шипя, быстро работала ложкой. А сама думала над тем, что Гарра права. В этом мире я никто, и звать меня никак. Нужны бумаги. Этот мужик не знал, есть ли они у меня. Мог потребовать, но, видать, сам от неожиданности позабыл уточнить. Не знаю, спием, что мне просто тупо повезло.

Когда я уже помыла и обсушила посуду, снаружи послышался скрип полозьев саней по снегу, затем голоса, и в дверь стукнули. Глухой голос Гарры раздался с другой стороны двери:

– Мия, отворяй!

Я посмешила встретить хозяев дома, и пока они снимали верхнюю одежду, сняла тряпицу с горшка, в котором была каша и разложила завтрак по тарелкам. Хлеба в доме не было. А как заварить травы в это печи я не знала.

– Вот и ладно, вот и славно, – потирая озябшие руки, Гарра подошла к столу, на котором стоял таз, в котором я недавно мыла посуду. – Красий, погодь, сходи вылей, да новую набери. Руки помыть надо.

Мне понравилась чистоплотность этих людей. Насколько я знала из земной истории, чистота и люди долгие годы были несовместимы. Даже века.

– А у вас все тут моют руки? – полюбопытствовала я, присаживаясь на лавку.

– Не то, чтобы очень. Но считается, что Гайра благосклонна к тем, кто хранит тело в чистоте. Правда, полностью моемся мы редко, суровые тут края, весна прохладная, лето иногда балует жаркими днями, осень дождливая, а уж зима лютая, да ты и сама на себе ощутила.

Мой мозг быстро переводил незнакомые названия местных времён года на подходящие мне русские слова.

– Гарра, тут такое дело, – замялась я, та медленно ко мне повернулась, видать, услышала в моём голосе что-то её смутившее. – Я забыла закрыть дверь, после твоего ухода. Отвлеклась и запаматовала, – виновато вздохнула. – И пришёл в дом некий смотритель нижнего города – Рурк Грегор.

– Великая Гайра! Документы просил? – в её глазах заплескалось искреннее переживание за меня.

– Нет, – поспешила её успокоить я. – Спрашивал кто я и кем тебе прихожусь. Видать, сам не ожидал узреть в доме девицу в мужниных шмотках, ой, одёже, – криво усмехнулась я.

– Да, в таком виде барышни здесь не ходят. Штанцы поддевают под юбку, тако бывает... – женщина грузно опустилась на лавку напротив, глядя куда-то мне за спину, – смотритель – человек сложный. Он ещё наведается, любопытство его приведёт к нам, не даст ему спать спокойно. А до того цидульку ту надобно справить. Планы меняются! – оповестила она, вошедшего в дом Красия.

– Чаво таке? Случилось али шта? – вылупился он на нас.

– Покамест нет, ничего худого, но после завтрака я пойду в верхний город. Запишусь на приём к лестеру Холстену, загляну по пути в лавку старьевщика, должен он мне, подберёт наряд не шибко дремучий. Приоденем нашу красавицу. Да так, что мать родная не узнает! – её последние слова заставили меня опасно поёжиться.

– Так, я не понял, – снимая телогрейку и шапку, заявил Красий, таз с водой он уже поставил на стол, а Гарра полоскала в холодной воде свои мощные ладони. – Подробней обскажи!

– Мы ж уехали, пока нас не было пришёл смотритель...

– Рурк, што ля? – вылупился на неё дед.

– Не перебивай, старый! – фыркнула в ответ Гарра. – Он самый. Наверное, за шкурками припёрся. А нас дома не оказалось. Зато тут была Мия. Сам понимать должен, чем обернуться их встреча может.

– Документы просил? – просипел Красий, – шпийёной её обозвал, и нас, покрывателей, теперь вместе с ней в темницу отведут? – и начал медленно сползать с лавки на пол.

– Ты мне тут не дури! – рявкнула бабуса и за шиворот приподняла мужа, усаживая того ровнее, – кабы так, не было бы её уже, да и нас тута дожидались его псы.

– Да, верно, верно говоришь, – мелко закивал дедок, споро пододвигая к себе свою тарелку с кашей. – Есть охота, проголодался, – и, словно ему только что не было плохо, быстро застучал ложкой.

– Обычно начальство принимает на следующее утро, – продолжила вслух рассуждать Гарра, убрала таз к входу, поставив его на табуретку. – Нам надо будет всё повторить, чтобы ты ничего не забыла.

Старики ели в полной тишине, я потягивала свежеприготовленный травяной отвар, и думала, как не выдать себя ни словом, ни взглядом. Мне очень не хотелось в темницу. И подставлять этих добрых людей никак нельзя, они подобного не заслужили.

– Нужно порепетировать, – обратилась я к хозяевам дома. – Я постараюсь сегодня и завтра говорить, как вы.

– Энто ты здраво придумала, – покивал Красий.

– Пробуй, так оно достовернее будет, – согласилась со мной хозяйка дома.

А после завтрака женщина, вынув из сундука, что стоял прямо под оконцем, тощий кошель, в котором жалобно звякнуло несколько монет, быстро оделась, и, тяжело ступая, вышла из дома. Мы остались вдвоём с Красиём, я принялась убирать со стола, старик же, заперев дверь на засов, забрался за печку и тихо засопел. По всей видимости, пока жены не было поблизости, старик любил побездельничать хотя я точно знала, что дедок должен был пойти и заняться тушками зайцев.

Но говорить ему об этом не стала: всё же он далеко не молод, тело требует передышки. Пусть отдохнёт.

И я тоже прилягу. Мне нужно побольше спать, чтобы организм поскорее восстановился.

Глава 8

Глава 6

Уснуть у меня не вышло. Проворочавшись на лежанке полчаса, встала, надела угги и вышла из своего закутка.

Чем бы заняться? Прошла к корзине, что стояла сбоку от входной двери, взяла немного дров и пошла к печи. Подкинув их в жадное пламя, закрыла узкую дверцу и встала.

Так не хотелось выходить на мороз, но деваться некуда – естественные нужды они такие, не слушаются голоса разума.

Накинув короткий тулупчик деда Красия, который сладко посапывал за печью, и шерстяной серый платок Гарры, отомкнула засов и вышла в коридорчик, а уж после, толкнув тяжёлую дверь, шагнула на узкое крылечко.

Недолго думая, рванула по хрусткому снегу на задний двор, по протоптанной дорожке в сторону "скворечника".

Холод щипал за открытые участки кожи, опалял щёки и заставлял меня шмыгать носом.

Завершив все свои очень важные дела, вернулась на крыльцо и, прежде чем войти в дом, осмотрелась.

Сегодня солнце снова спряталось за густой пеленой серых туч, но хотя бы ветра не было, что я уже считала большим плюсом. Дом пожилой семьи стоял на отшибе, передом к лесу и горам, чтобы рассмотреть улицу, мне пришлось обогнуть здание с торца. Дальше и полого вверх шли дома. Ничем не лучше, чем тот, в котором меня приютили. Даже похуже хибары виднелись: несколько землянок, и деревянных длинных бараков.

Всё какое-то мрачное и дышащее безысходностью. Атмосфера запустения и некой гнетуще печали. Как будто этих людей сюда бросили умирать.

И чем выше поднималась улица, тем больше становилось домов, я видела снующих туда-сюда людей, они как муравьи, мельтешили без остановки. Взгорok со временем выравнивался в некое плато, и что там находилось, с моей низкой позиции было никак не рассмотреть.

– Чаво это ты тут делаешь? – позади раздался скрипучий со сна недовольный голос Красия. Я даже вздрогнула от неожиданности и, резко подскочив, обернулась.

– Смотрю, – честно ответила я. – Интересно, куда это я попала.

– Айда, обед будешь готовить, – ничего не сказав на моё замечание, подвигал он своими седыми бровями-щёточками.

– Я? – ужаснулась я, замерев на месте.

– Ну как бы и я могу, но у меня и боз енто – дел непроворот, сама ведаешь, зайцы ждут. А если окоченеют, так шкуру с них содрать вовек не получится. Али хошь сама с ними повозиться? – хитро прищурился он. А я быстро-быстро отрицательно замотала головой. – То-то жа. Айда, покажу, где крупу брать, да мясо.

И пошёл, легко шагая, на задний двор.

Красий надел стёганую телогрейку и какую-то полулысую шапку, и ни словом не обмолвился, что я без спроса взяла его верхнюю одежду. И даже недовольства не выказал. Вёл себя, как обычно, немного брюзжа и ехидничая.

– Вот, – он указал на дверцу в сарай, – здесь у нас мясо, оно тут чистый лёд, положишь его у печи, быстро отойдёт. А вообще, бабка в кипятке его сразу забрасывает и так варит, – пожал он плечами, откидывая засов.

– Не бойтесь, что волки на запах придут? – поинтересовалась я.

– Пусть придут, токмо никто из них засовы отворять не умеет. Да и Гарру они боятся, стороной наш дом обходят. Вот соседушкам не свезло, нет у них воина.

– Вот оно как, – хмыкнула я себе под нос, мои догадки всё больше подтверждались.

– А ентому Грегору до жизни простых бедняков и дела нету. Ему лишь бы Гарра стерегла границу от шпиёнов, да шкурки зайцев ему сбывала, – ворчал он, заходя в строение и снимая с крюков разделанные заячьи тушки.

– У вас овощи какие-нибудь есть? – любопытствовала я.

– В погребе глянешь, но мало их осталось, немного и скоро весна придёт.

Погреб оказался внутри дома, под тощим камышовым ковриком.

Добротная лестница вела вниз, в темноту. Старик зажёл вонючую, промасленную в животном жиру тряпицу и сунул мне в ладони чашу, где она лежала.

– Всё, я пошёл, – махнул он мне рукой и направился к выходу. – Только отпугиватель не трогай, он несъедобный. Под потолком висит.

И как мне с этой недоделанной лампадкой спускаться по крутой лестнице? Но когда сильно прижмёт, мозг начинает искать самый разумный, ну или не очень, выход.

Миску с фитильком положила на пол у тёмного провала, вздохнула, набираясь решимости, и ногами вперёд полезла в лаз, как только над полом осталась только моя голова, подхватила чашу-лампадку и, держа её в одной руке, второй крепко ухватила за деревянную лесенку. Так и оказалась в сыром, прохладном и достаточно глубоком погребе. На полу лежали какие-то корзины, в основном пустые, но были и те, в которых я нашла какие-то овощи, весьма похожие на земные. Например, странного вида, светло-оранжевый корнеплод очень походил на морковь, заметила пару коричневых округлых то ли фрукта, то ли овоща, взяла один, понюхала – пахло землёй и плесенью. Подобрала маленькую корзинку, кинула туда морковь, кругляш и уже после подошла к одному из трёх мешков, в которых хранилась крупа. Прорех от зубов грызунов не нашла, зато заметила под потолком развешенные кустики какой-то травы, наверное, тот самый отпугиватель. От него пахло чем-то странным, аромат был резковат, и я так и не смогла определить, что это за растение. И трогать их, как и просил Красий, не стала.

Поднявшись в дом, сложила свою корзинку на стол, вернула крышку погреба на место, подтянула коврик и принялась за готовку.

Очистила овощи от кожуры, мясо уже лежало в подсоленной воде и ждало, когда я добавлю к нему крупу.

Круглый овощ оказался чем-то похожим на батат по цвету внутри и структуре, но отдавал чесноком, очень странно, надеюсь, что на вкус окажется вполне съедобным. А оранжевый корнеплод действительно оказался горьковатой морковью, вероятно, какая-то его дикая разновидность.

С печью управлялась с трудом: пыхла, тихо чертыхаясь, но таки засунула при помощи рогаça тяжёлый кувшин с мясом и крупой поглубже в пышущее жаром нутро. Туда же отправились крупно нарезанные овощи, которые я просто посолила, перемешала и сложила в плоскую чугунную сковороду, прикрыв неказистой тонкой металлической крышкой.

Отерев пот со лба, задвинула заслонкой зев печи и устало села на скамью. Руки чуть подрагивали от напряжения.

Время бы засечь, но доставать часики, что лежали в третьем отделе чудо-саквояжа, не хотелось, ибо, думается мне, такие вещицы в этом мире прилично стоят. А точнее, таких механизмов в здесь, скорее всего, и нет вовсе. Простые люди живут в своём правильном биоритме: встают с рассветом, даже чуточку раньше, а спать укладываются, стоит солнцу закатиться за горизонт. Я уже и не помню, когда сама так делала: мой день был ненормированный, а законные выходные могли прерваться в любую секунду – звонок с работы и я мчусь в поликлинику, отложив личные дела на потом. С переходом в частную клинику стало чуть легче и времени для себя и родных удавалось выкраивать больше, и заработок начал радовать, но всё же, всё же... я была замужем за своей работой.

Овощи я вынула раньше тары с кашей, чтобы не подгорели и снова начала маяться от безделья.

От нечего делать, прошла по дому, взяла стоявшую в углу метлу из каких-то сухих веток, просто собранных в пучок, и подмела полы. Убрала спальные места, сложив красиво шерстяные пледы. С интересом потыкала пальцем в бычий пузырь, которым было затянуто крошечное окошко. На ощупь он был шероховатым в некрасивых мелких складочках, как сеточка морщин на старческом лице. А уж чтобы хоть что-то рассмотреть через такое мутное "стекло" и речи быть не могло. Солнечные лучи пробивались тусклым монохромным светом в единственную комнатку бревенчатого домика, позволяя не жечь импровизированный, наполненный жиром с плавающей в нём тряпицей, светильник.

Гарра пришла аккурат к обеду.

Она тяжело вошла в дом, поставила на пол плетёный туесок, а затем и сама разделась: скинула свой огромный тулуп и шерстяной кучерявый платок, повесив их на гвоздь у входа, прошла к столу.

– Что же, девочка моя, – с ходу начала она, а я замерла у печи, судорожно сжимая ухват, как мышь с кусочком сыра, застигнутая врасплох, – до заката нас будут ждать в городской управе. Лестер Холстен лично нас примет и вынесет решение.

Я просто кивнула, принимая её слова к сведению. А сама мысленно взмолилась, чтобы всё прошло, как Гарра и задумала. А уж я постараюсь её не подвести. В течение обеда, когда я поставила на стол не только кашу, но и зажаристые овощи, удивив стариков, мы тренировались в просторечии, я коверкала слова, шепелявила и всю веселила хозяев дома.

– Ну ты и выдумщица, – вытирая уголком платка выступившие от смеха слёзы, заявила женщина.

– Так-то ты похуже меня балакать стала, Мия, сапсем ничего непонятно, точно примут за девицу из глухой деревни в три двора, – широко усмехаясь, закивал Красий. – И каша у тебя на удивление хорошо вышла!

За разговорами время пролетело незаметно и вот мы засобирались в городскую управу на встречу с человеком, который очень скоро решит мою дальнейшую судьбу.

Глава 9

Глава 6

Столь стремительно влетев в новый мир, я вдруг оказалась в некоем вакууме. Мне даже начало мерещиться, что моя жизнь как-то замедлилась: четыре стены, пол, потолок. Нехитрая еда. Беседы с хозяевами дома. Короткие прогулки на мороз и немедля же назад, я так ни разу и не вышла за пределы невысокого дощатого забора.

Первые два дня я маялась от тоски по бешеному ритму той, теперь такой далёкой привычной жизни. Потом вроде как даже попривыкла, стала ловить себя на желании полежать и пожалеть себя, любимую, никогда такого не было. Я пахарь, и времени на рефлексии у меня всегда не хватало; в течение дня перебирала воспоминания о родных и близких, как драгоценные жемчужины, нанизанные на тонкую ниточку. Старалась не грустить по ним, надеясь, что моё исчезновение не подкосит родителей, но стоило наступить ночи, как меня начинали терзать душевные переживания, выматывая до предела, в итоге утром чувствовала невероятный упадок сил, а это могло негативно сказаться на выздоровлении. В общем, кое-как, через "не могу", старалась держать эмоции в узде, и в итоге приняла всю ту ситуацию, в которую угодила и решила действовать по мере поступления новой информации.

Если в этот мир есть вход, то должен быть и выход. Как бы странно это ни звучало.

И ежели бы не неожиданный визит зрителя нижнего города Рурка Грегора, то неизвестно, сколько бы меня ещё мариновала Гарра в своём доме.

И вот, стою я вся такая "распрекрасная" в "новом" платье посреди единственной жилой комнаты и с ужасом смотрю на то, во что меня вырядили.

– На половую тряпку похоже, – прошептала потрясённо, рассматривая заплатки на подоле, некоторые из них были нашиты друг на друга "а-ля тят-ляп". – Приплыли.

Гарра, не дав мне рассмотреть принесённый ею наряд, споро натянула его прямо поверх моего больничного костюма, со словами, что так будет теплее, и отошла в сторону, чтобы полюбоваться.

– М-де, – поцокал языком Красий, оглядывая меня с затаённым ужасом в карих глазах. – М-дее, – повторил он.

– Хорошо! – вынесла вердикт Гарра, потирая мощные ладони, – то, что лекарь прописал! Щас я тебя чуть подмажу золой, волосы под платок спрячу, а то блестят, как жидкое золото, невместно такую красотень демонстрировать! И вперёд! – она, как заправский генерал, ринулась к печи и вынула оттуда горсть, поплевав на пальцы, двинула ко мне.

Я замерла, как мышь перед котом, не в силах пошевелиться.

Тётка подскочила ко мне и одним движением пальцев, изгвадала мне щёки.

– Погодь, размажу немного, словно кожа у тебя серая, а не белая, не бойсь, красиво выйдет! – бормотала она, сама же приподняв подол своего тёмного тяжёлого платья, принялась возюкать им по моему многострадальному лицу, высунув язык от усердия. – Ну вот! Сааапсем другое дело! – удовлетворённо хмыкнула она, повязывая льняной платок на мои туго собранные в шишку волосы.

– Хмм, – неразборчиво промычал Красий, разглядывая меня внимательно, – поди-ка, дочка, сюды, к оконцу. Так-то в тени и непонятно ничего, – попросил он и я, вялой поступью пошаркала к окну.

– Во-от! Так и ходи, – покивала Гарра, неимоверно довольная собой.

– Ну шо, – протянул дед, повернув моё лицо к тусклому свету, – ни-чё так, сойдёт. Мы же туды вечерочком заявимси, ещё лучше будеть.

– Ну усё, хватит разглядывать, нам пора на выход. Времени мало осталось, – скомандовала хозяйка домика и всунула мне в руки уличные угги, тулуп дедка, его же шапку ушанку.

Красий остался один дома, а мы вдвоём с Гаррой вышли на мороз.

– Пешком долго, на санях поедem, – важно заметила женщина, – старый уже всё для нас подготовил.

И действительно с внешней стороны забора к столбу была привязана старая кобылка, а позади неё виднелись небольшие санки. Гораздо меньше тех, в которых меня сюда доставили.

Сарай и конюшня для одного старого коня, стояли на заднем дворе, и я уже знала, что у пожилой четы есть большие сани и телега, а вот про небольшие, но высокие салазки, рассчитанные буквально на пару человек, не ведала.

– У соседа взяли, – словно прочитав мои мысли, пояснила тётка и ткнула пальцем, – забирайся. Нужно поторапливаться!

Лошадь двигалась спокойно, размеренно шагая в направлении верхнего города.

А я глядела по сторонам, благо скорость движения позволяла рассмотреть всё в деталях.

Район, где жили мои спасители, удручал. Бедность, такая откровенная, сквозила во всём, и не только в обветшалых домах, покосившихся местами беззубых штакетниках, но и в самих людях, не знаю, как точнее выразить свои ощущения, но вот пустота и безысходность в глазах этих людей, что шли по дороге в сторону своих домов, неся тяжёлые вёдра ледяной воды, которую набирали из общего колодца, тронуло что-то глубоко в моей душе.

– Почему вы живёте так? Неужели нет работы? – прошептала я, не ожидая ответа.

– Эх, милая моя девочка, люд трудится, батрачит, то тут, то там, в мастерские их не берут, ибо грамоте не обучены, вот народ и перебивается случайными подработками в холодную пору, и пашет в полях всё остальное время.

– Разве нельзя построить школы? – прижав ладони в рукавицах кустарного производства, покачала головой я.

– Ой, маленькая ты исчо, – устало вздохнула Гарра, – да кому мы потребны?

Её вопрос повис в воздухе: поскольку кричать, что эти люди нужны своей стране, было как минимум глупо. Свои мысли я придержала при себе: ведь счастливые, здоровые граждане равно процветающее сильное государство. Но меня занесло в какие-то тёмные времена, где человеческая жизнь, если ты простолюдин, совсем не ценится.

Через некоторое время лошадка потрусила чуточку бодрее, а это значило, что мы поднялись и дорога выровнялась. Животинке стало гораздо легче тащить нас по ровной, широкой улице.

– Мы живём во второй части нижнего города, сейчас мы въехали в первую половину, – прокомментировала Гарра, а мне подумалось, что градация весьма интересная, – тут всё лучше, чем там, – и женщина махнула рукой назад, в ту сторону, откуда мы выехали.

Но я и сама заметила, что многое стало иначе. Во-первых, чище, нарды опрятнее, лица не такие голодные и измождённые. Во-вторых, дома аккуратнее, чаще в два этажа, нижний из которых был отдан под какую-нибудь лавку: булочная, с вывеской в виде кренделя, сапожная, различные ателье и многое другое.

– Заметила поди, тут обитают ремесленники, наверху живут, внизу торгуют. Таверны здесь с отвратным пойлом, но цены доступные для бедняков. И чем дальше мы будем ехать, тем лучше станут дома и качество товаров в лавках. И пиво вкуснее.

Говор Гарры отчего-то вдруг преобразился в плавную речь без привычных коверканий, я даже заслушалась. А ещё она неплохо рассказывала о людях вокруг и интересных зданиях, отданных под какое-нибудь производство.

– Это крытый рынок, – огорошила она меня, – Новый градоправитель, лестер Холстен, первым делом выкупил это большое здание, где раньше была скотобойня, поставил лавки и теперь тут каждый, кто хочет, может продать всё, что ему не жалко. В основном это сделано для людей из бедняцкого района. Тут с утра страшная очередь, многие хотят чуток подзаработать, кто носки вязанные несёт, кто пироги, а кто-то и вовсе рыбу тащит.

– Всё-таки хоть кто-то заботится о простых смертных, – заметила я.

– Лестер Холстен менее года живёт в Эльме, но да, он оказался правителем много лучше предыдущих. Кроме любви к красивым дамам, мне его более не в чем упрекнуть, – кивнула женщина.

Крытый рынок находился на самой границе между нижним городом и срединным. Дальше Гарра подстегнула коняшку и она побежала чуть быстрее. Солнце неотвратимо клонилось к закату, а опоздать нам никак нельзя.

В этой части города также хватало мастерских и торговых точек, но даже люди выглядели иначе: одевались лучше, богаче, улыбались и смеялись, празднично прогуливаясь по деревянному тротуару. Дороги стали мощёными. Мусора немного, и никакой живности, гуляющей туда-сюда, как в предыдущей части города.

Эльм оказался большим, хоть Гарра и называла его провинциальным.

А вот верхний город меня впечатлил: особняки, огороженные высокими каменными заборами, минимум лавок и мастерских, район для зажиточных горожан. И на въезде в него, прямо на границе Срединного и Верхнего частей стояло трёхэтажное большое здание из серого грубого камня.

– Приехали, притормаживая коня, объявила Гарра и первая спрыгнула на землю.

А я смотрела на строение и даже залюбовалась его красотой, узкими окнами-бойницами со вставленными в них слюдяными пластинками и развевающийся на ветру алый штандарт с изображённым на нём животным, с каким именно рассмотреть так и не получилось.

– Айда, деточка, милочка, замёрзнешь тута, – по-доброму проворчала Гарра, довольная моим искренним ошеломлением, действительно, как истинная деревенщина я тарасилась на средневековое здание, выпучив глаза – лучше и быть не могло.

Подошедший к нам слуга даже приосанился, наверняка подумал, что я в восхищении от места его работы. Мне правда понравилось, всегда любила разглядывать достопримечательности древности, только тут строение оказалось целым, а не руины.

– Мы на аудиенцию к лестеру Джерому Холстену, – привязывая коня к специальному стойлу, объявила Гарра, очень громко, так, что охранник недовольно поморщился.

– Да, я и вышел, чтобы вас проводить к господину градоправителю в кабинет. Идите за мной.

– Вы сегодня последние, и только благодаря вашим заслугам, Гарра, лестер Холстен согласился принять вас без очереди, и не через неделю.

Я ещё раз посмотрела на женщину. Какая интересная у меня спасительница, однако.,

Наша троица гулко шагала по каменному гладкому полу, стены были увешаны какими-то гобеленами, в неровном свете светильников рассмотреть, что именно на них изображено, всё равно не получалось. А ещё я порадовалась, что хотя бы тут есть нормальные источники света: металлические, практически не чадающие, и кабы не ветерок, гуляющий по помещениям, то было бы совсем хорошо.

Вместо картин решила рассмотреть сопровождающего: мужичку я бы дала лет шестьдесят, прямая, как палка, спина, гордый взор светло-голубых глаз и едва заметная ехидная усмешка на тонких губах. Интересный персонаж.

Около обитой железными полосами двери оказались через несколько минут. Слуга коротко постучал, после чего с усилием толкнул тяжёлую створку. Мы вошли внутрь следом за ним.

– Гарра-затворница пришла, господин, – негромко оповестил он кого-то, сидевшего за широким столом и что-то спорившего писавшего шикарным гусиным (или нет) пером.

Мужчина поднял к нам голову, и моё сердце пропустило удар. Точнее, хотело пропустить, но я не дала и нацепила на своё лицо как можно более бесстрастное, даже испуганное, выражение.

Глава 10

Глава 10

Я врач, а точнее пластический хирург. Понимание красоты, правильности во внешности – это моя работа. Я исправляю врождённые недостатки, и не только. Ко мне приходили просто, чтобы чуточку что-то поправить, когда во внешности клиента всё и так хорошо. Люди стремятся к совершенству под влиянием моды или каких-то своих собственных желаний и это совершенно нормально.

И вот сейчас передо мной сидел человек с идеальной внешностью.

Потому что он был неидеален.

Нос слегка удлинён, скулы высокие, даже острые, верхняя губа чуть больше нижней, подбородок узкий и упрямый, миндалевидный разрез глаз. Очи серые, стальные и такие же холодные, как зима за окном.

Если оценить черты его лица по отдельности, то молодой мужчина был неидеален. Но всё вместе, вкуче с необыкновенными стальными глазами, сейчас глядящими на меня так, словно он хотел заглянуть мне прямо в душу, его внешность просто ошеломляла! Каштановые волосы, аккуратно зачёсанные назад, довершали великолепную картину богатого, знающего себе цену, вельможи.

Невероятный мужчина!

И пока я на него таращилась, предварительно полуприкрыв веки, красавчик встал, и я смогла оценить его высокий рост, широкие плечи, узкие бёдра, дорогой удлинённый тёмно-фиолетовый камзол, вышитый золотой нитью, накинутый на чёрную шёлковую рубашку, и светло-бежевые брюки, заправленные в высокие кожаные начищенные до зеркального блеска сапоги.

Он галантно кивнул, без напыщенности, просто приветствуя женщин и спокойно предложил:

– Дамы, вечер добрый! Присаживайтесь, – баритон лестера был глубок и приятен, мне очень понравился его чуть с хрипотцой тембр. А ещё, пока мы не сели, парень стоял. Какой, однако, воспитанный мужчина. Хотя, что я знаю о местном этикете? Ровным счётом ничего, а судить только по Гарре и Красию не могу. Они уж точно не эталон.

Правда, сам к нам не подошёл и помощь не предложил. Может, побоялся испачкаться? Хи-хи, отчего же нет, вполне возможно, что так оно и есть.

Я присела на самый краешек твёрдого деревянного стула, даже на вид неудобного. Разгладила складки на своём отвратном старом платье, стараясь припрятать уродливые угги под подол. Мне отчего-то вдруг захотелось, чтобы он увидел, какая я на самом деле, и вот эта его холодность в серых, розовых глазах хотя бы на миг сменилась восхищением.

Большинство женщин рядом с таким мужчиной захотели бы ровно то же, что и я.

– Лестер Холстен, вот она, племянка моя, Мия, – невежливо ткнула в меня "тётушка". – Обокрали в пути, ну хоть только бумаг лишили, а не жизни. Или чести.

Я опустила глаза на свои сцепленные в замок пальцы и старалась не отвечивать, скукожится в маленький незаметный предмет мебели.

– Мия, – голос градоправителя был обманчиво мягок, – расскажите, как было дело.

Я, продолжая таращиться вниз, залепетала:

– Ну, энтот...

"Хлюп", – смачно шмыгнула носом и по-простецки отёрла его тыльной стороной ладони.

– Ехала я, ехала на телеге, думала так и доберусь до тётушки, а оно вона как вышлааа! – последнее слово чуть ли не в голос надрывно проревела, сама же вспомнила о родителях, и натуральные слёзы капнули на руки, при этом старалась, чтобы солёные дорожки слетели с

ресниц вниз, не коснувшись щёк, а то весь маскарад насмарку. – Потом бац! И на нас ватага, боольшаая такой, – я вскинула глаза на градоправителя, распахнув их максимально широко, в этот мгновение перед моим внутренним взором предстала грозная Гарра в первые секунды нашей с ней встречи. – И маленький был разбойник, точнее, их было воот столько! – я выпростала руку и растопырила три пальца, при этом энергично кивая. Ох, какая во мне актриса погибает! – Они такие: жизнь, али кошель?

Я снова вернулась в изначальную позу: очи долу, пальцы сплела в крепкий замок, а хлюпанье носом усилилось, я его сделала ещё более надрывным. В общем, мне саму себя стало до жути жалко.

– Они всё фсяли, – шмыгала я. – Вот, только то, что на мне, то и осталось.

После моего маловразумительного рассказа в кабинете повисла тягучая тишина.

– Понятно. В данный момент наше королевство находится на пороге войны с империей, расположенной по ту сторону гряды. Многие лазутчики пробираются горными тропами и шпионят за нами, докладывают обо всём своим командирам, совершают поджоги, грабят селения, уводят людей в рабство на свои земли. Поэтому ко всем, у кого нет документа, подтверждающего личность, у нас самое пристальное внимание. И раз уж Гарра, когда-то защитившая моего племянника от гибели, поручается за вас, то я просто обязан услышать её, и помочь.

– Кристоф, – он вскинул свои прекрасные, как расплавленное серебро, глаза на стоявшего около дверей слугу. – Подготовь временные документы для Мии.

– Будет сделано, господин, – с почтительным поклоном ответил тот.

– И ещё, Мия, вы наверняка знаете, что чтобы получить полноценный документ требуется отработать на наше королевство ровно год. Принести ему пользу. Обычно я не спрашиваю, куда таких людей, как вы, приставить. Но сейчас решил уточнить у вас: чем бы вы хотели заниматься? – и посмотрел на меня так пронзительно, что у меня ладони вспотели. Мне показалось, или он знает больше, чем говорит?

– Если..мхм.. ежели можно, хачу помогать лекарям.

Тёмные брови Джерома высоко подскочили – он явно был ошеломлён моими словами, не ожидал мужик, что я захочу идти туда, где людям больно.

– Почему? – один-единственный вопрос задал он, прищурив глаза, опушённые длинными ресницами – мечта любой девушки.

– Сострадание, – забывшись на секунду, без коверканий, выдала я. Так же односложно, как и он.

Мужчина кивнул, о чём-то задумался, устремив взор на мои руки, через минуту выдал:

– Кристоф, назначь Мию помощницей в общий лекарский центр.

– Будет сделано, господин, – и ещё один низкий поклон.

– А вы можете идти, вас проводят, – лестер Холстен подтянул к себе какие-то бумаги и взял в руки пышное белоснежное перо.

– Спасибошки, господин градоправитель, – Гарра тяжело поднялась и глубоко поклонилась, я последовала её примеру, но так низко, как у неё, у меня не вышло.

Уже находясь у самых дверей, Джером меня окликнул:

– Мия, – я полуобернулась, чтобы встретиться с его насмешливым взором, – лицо только мойте, негоже в таком виде появляться в лечебнице. Боюсь, все больные разбегутся.

Ошеломлённая и растерянная, я не нашла что ответить, просто кивнула и чуть ли не бегом вылетела из кабинета.

– Бумаги заберёте завтра утром, – выйдя на широкое крыльцо, на прощание сказал нам Кристоф, и, не оборачиваясь, двинулся назад в городскую управу.

– Ты многое мне должна объяснить, Гарра, – твёрдо заявила я, стоило нашей лошадке тронуться в обратный путь. Ночь мягко, но настойчиво вступала в свои права, и первые звёзды

чужого неба уже вовсю перемигивались друг с другом и со мной. – Этот ваш лестер обо всём догадался. Наше маскарадное шоу его нисколько не обмануло!

– Знаю, – тяжело обронила Гарра, устало вздохнула и, посмотрев на меня, тихо добавила: – тайны в том нет, я была главной охранницей Её Светлости лессы Альмы. В тот день на нас напали, прямо в центре столицы. И вместо того, чтобы встать на защиту Её Светлости, я ринулась спасать мальчонку, племянника лестера Холстена, Зоуви немного чуть обогнал нас, и его бы непременно убили первым, а я не могла позволить погибнуть малышу. Мы отбились, но лесса Альма получила травмы, за что и наказала меня ссылкой. А лестер Джером с тех пор остаётся благодарным мне, но помочь иначе, например, вызволить из нижнего города и устроиться на работу получше не может, ведь Её Светлость тогда сильно разозлится... Но он всё же большой бабник! И мы правильно поступили, припылив тебя золой!

Интерлюдия

– Попроси Рета следить за Мией, – Джер внимательно посмотрел на личного слугу и секретаря в одном лице – Кристофа, как только тот вернулся в кабинет господина. – Я верю Гарре, но не доверяю девчонке. Кто она, откуда взялась в горах? Что за странный диван, на котором она буквально въехала на наши земли? У меня много вопросов, и мне нужны ответы!

Глава 11

Глава 11

До дома добрались уже в темноте. И если в верхнем, срединном и первой половине нижнего города специальные люди ходили и вручную зажигали лампадки под плохим, толстым стеклом, венчавшие деревянные столбы, то вот во второй части нижнего города не было видно ни зги – крошечная темень... В какой-то момент словила себя на мысли, что мне по-настоящему страшно. Давно такого не было. И я, как маленькая девочка, жалась к мощной Гарре, в поисках хоть какой-то защиты.

– Не бойсь, лесса, в обиду не дам, – всё верно поняв, погладила меня по голове женщина, – тем паче, скоро дома будем.

Как она ориентировалась в ночи? Ведь даже местной луны видно не было: небо заволочло плотным слоем чернильных туч, а ветер задувал хлопьями снега прямо в лицо и за шиворот моего тулупа.

– Лошадка завсегда, в любую непогоду путь домой сыщет, – проговорила женщина, и я с уважением покосилась на крутой таз коня с облезлым хвостом. – И пусть моя Ромашка уже старая кляча, но преданная и умная.

Гарра оказалась права: через четверть часа мы таки дотелепались до края города и Ромашка свернула с дороги вправо, и остановилась перед наглухо запертыми воротами. Моя спасительница и покровительница в одном лице споро слезла с салазок и отправилась их отпирать.

– Санки соседям заптра верну, – распрягая свою коняшку, добавила она, – а Ромку в конюшню надо завести, волки, гады такие, могут нагрянуть, када не ожидаешь. Мия, домой иди, змёрзнешь.

Я не стала ждать второго приглашения, но для начала сбегала в туалет, а потом рванула в дом.

Дед Красий уже отпер дверь и встречал нас в жарко натопленной комнате, на столе стояли три миски, полные каши, и щербатые кружки с парящим отваром из трав и сушёных ягод.

– Мой руки, лесса, – оглаживая бороду, деловито распорядился он, хотя я только вошла в дом и ещё не успела скинуть телогрейку.

– Непременно, – кивнула я, снимая верхнюю одежду и стягивая шапку-ушанку, а после и платок вязаный.

– Как усё прошло? – любопытствовал он, уже сидя за столом и с нетерпением глядя на горячую еду.

Ополоснув руки, а затем и лицо, которое нещадно зудело и стянулось, словно покрылось сухой противной коркой.

О, какое это блаженство смыть весь этот дурацкий, как оказалось, бесполезный маскарад! Подхватив тряпицу, выполнявшую в семье Гарры роль полотенца, промокнула лицо и вытерла насухо руки. После чего расположилась напротив старика и принялась рассказывать:

– Лестер Джером определил меня в помощницы в какой-то Общий лекарский центр.

Глаза старика стали круглыми, как плошки, он забавно разинул рот, в котором, впрочем, я заметила неплохие зубы, и большая их часть была на месте.

– ОЛЦ, мы его так называем, – как-то механически объявил он, а потом голос его всё же задрожал от ужаса: – Тама пользуют бедняков и тех, кто не может позволить себе лечение в МЛЦ, то бишь в Магическом лекарском центре. Там эликсиры есть, волшебные которыя. Ну, в опщем, не повезло тебе, девонька.

– Она сама туда напросилась, – в дверях воздвигалась Гарра, я даже не услышала её шагов и скрипа дверных петель, уважительно посмотрев на тётку, улыбнулась ей, стараясь показать,

что их слова меня вовсе не напугали. – Я дар речи потеряла, када она объявила об этом. Ваше ужас! И возразить никак, раз желание уже озвучено.

– Ой-еей, – прошептал ошарашенный мужичок, вытаращив на меня глаза, – ёёё, – покачал он седой головой.

– А что вы в таком ужасе? Разве сами там не лечитесь? – спокойно спросила я.

– Так-то так, мы туда ходили как-то, но лучше б не шли, – хозяйка дома скинула свой тяжёлый длинный тулуп, стянула шерстяной платок и сполоснула руки в тазу, после чего под села к нам во главе стола. – Давайте поедим, а потом поговорим.

Каша, приготовленная Красиём, оказалась сытной и недурной на вкус, местный чай мне понравился всё больше, от него словно всё нутро согревалось и оттаивало.

Отложив ложку, бывшая телохранительница сиятельной особы размеренно заговорила, делая короткие паузы, чтобы я, наверное, впечатлилась и прониклась.

– Олц – это лечебница, как ты уже ведаешь, для бедных людей. Там ни за что платить не надо. Вот вроде всё звучит складно, да ладно, но... Старое здание, щели в полу и оконцах, ветер гуляет, как в открытом поле, грязь и крысы, плохие лекари, у которых из достоинств бумажка, что они прошли первую ступень целительского искусства. Дальше мозгов не хватило пройти. Все страждущие мёрзнут, и ещё сильнее хворают. Оттуда только ногами вперёд, но люд идёт, ибо более некуда податься, а умирать, сама знаешь, не готов никто.

Я молчала, переваривая услышанное. Не думаю, что там страшнее, чем в тех же поликлиниках, где сто лет в обед ремонту, хотя в последние годы многое поменялось в лучшую сторону, единственное, что врачей хороших сыскать стало сложнее, чем красивую клинику. А поумнее да поталантливее, уходили в частные кампании, где больше платили. Кушать хочется всем и всегда. Желательно ещё, чтобы и вкусно.

Старики притихли, внимательно следя за выражением моего лица.

– Градоправителю, получается, нет дела до этой лечебницы? – первое, что спросила я.

– Отчего же, он даёт деньгу, чтобы болящих кормили хорошо, оплату лекарям вовремя дают, и тебе будет положена кой-какая монетка, – ответил Красий, а Гарра продолжала хранить молчание, следя за мной внимательно своими светло-кариими умными глазами.

– Я могу пока пожить у вас? А как заработаю, выплачу и за постой, и за продукты, – поинтересовалась я, поскольку никогда не позволяла себе быть нахлебницей.

– Живи, девочка, сколько хочешь, – махнула рукой моя спасительница. – Денег не надобно, хватит нам всем, вона, меньше птахи снедаешь, – ткнула она в мою пустую миску.

Я тихо фыркнула, а после и вовсе, рассмеялась, старики подхватили и мы несколько минут просто хохотали в голос. Напряжение последних суток сказывалось и требовало выхода.

– В общем так, дорогие мои, – вытирая слёзы, выступившие в уголках глаз, заговорила я, – я не боюсь вашей олц, завтра с утра, отведите меня туда, разберёмся, – решительно объявила я. Пора было брать себя и свою жизнь в руки. У меня есть цель, а чтобы её добиться, прятаться за спинами этих людей не выйдет.

На следующий день мы встали очень рано, нам надо было заехать за бумагами в городскую управу, а после отправиться в общий лекарский центр.

И снова салазки и Ромашка, уныло тянущая нас вперёд, в сторону верхнего города.

Документы нам отдали сразу же, стоило войти в управу. К нам подошёл молодой служка и молча с лёгким поклоном, передал свёрнутый в трубочку плотный серый лист бумаги.

Дальше наш путь лежал снова вниз. Городская лечебница для бедняков располагалась аккуратно за крытым рынком, пришлось выехать в узкий проулок, обогнуть базар и подкатить к широкой входной группе старого обветшалого здания. Лечебница была прямоугольной формы в один этаж, достаточно большой, с плоской крышей, на которой белоснежной шапкой лежал снег, сверкая в солнечных лучах, как мелкие самоцветы. Словно козлик Серебряное копытце пробежал, щедро украсив мрачное здание.

– О, как, – подивилась Гарра, а я вопросительно на неё оглянулась: в её голосе явственно слышалась некая озабоченность. – Солнце выглянуло за много-много дней впервые вот так, не скрываясь за тучами, да и они отступили, будто их руками кто отвёл. Удивительно! Кстати, вот и лекарская хибара, – тут же нахмурилась она, кивая на здание. Пойдём.

– А ты куда? – опешила я, поскольку знала, что женщина собиралась найти Рурка Грегора, чтобы отдать тому шкурки зайцев.

– Как куда, провожу тебя, убдюсь, шо устроили как надо! Не могу оставить тебя одну. Ни в коем случае не снимай мой шерстяной жилет, ходи в уггах и платке, нито заболеешь, – раздавая советы, она уже широко шагала в сторону двустворчатых деревянных дверей.

Мне ничего не оставалось, как последовать за ней, каждый шаг отдавался в теле дрожью. Я нервничала, как там у меня всё сложится? Не знаю, но ведь главное настрой, не так ли?

Глава 12

Глава 12

Настрой был оптимистичным ровно до того момента, как я перешагнула порог местной клиники.

Отвратительный скрип входной двери гулким эхом прокатился по пустынному коридору. Оказаться в полумраке после яркого солнечного света – не самое приятное, и я несколько раз быстро моргнула, чтобы поскорее вернуть себе возможность ясно видеть.

– Эй, – раздался чуть впереди голос Гарры, женщина бесцеремонно кого-то притормозила и громко заявила: – Я тут свою племянницу привела по высокому распоряжению градоправителя. Веди меня к главному.

– Ой, – пискнула тощая девчонка, которую я наконец-то смогла рассмотреть в тусклом свете, что с трудом пробивался сквозь тресканные бычьи пузыри в узких окнах-бойницах. – Он там, – и махнула рукой, указывая, где именно. Пустите, тётенька, мне бежать надо, лекарь Арош нито заругает!

– Как главного зовут? – наседала на тощую пигалицу моя Гарра.

– Лекарь Еулий Крац, – выдала та и, ловко вывернувшись, помчалась бодрым козликом куда-то дальше. Впрочем, моя спасительница сама разжала свои стальные пальцы, позволяя последней сбежать от неё.

– Пойдём туда, незнамо куда, – прошептала я оглядываясь. Если бы не тулуп, в котором я была, тёплые угги, шерстяной платок, я бы просто замёрзла. На стенах, что были ближе к входу, вились морозные серо-белые узоры. Каменное здание внутри пугало запустением и даже неким одиночеством, описать свои ощущения мне в полной мере не удалось бы, просто мелькнула мысль, что сюда приходят люди, как в склеп, чтобы больше никогда не увидеть солнца.

– Я поспрашала соседей, – негромко заговорила Гарра, когда я с неё поравнялась, – тут всего десять целителей на всех больных.

Пока она говорила, я старалась рассмотреть окружающую обстановку того места, где мне теперь предстояло работать. И то, что я видела, не воодушевляло от слова совсем: справа шла сплошная стена, на которой каждые два метра в специальных держателях чадили тусклые факелы, а скопившаяся от них копоть некрасивыми кляксами расплзлась до самого потолка. Света они давали мало, а тепла и того меньше, но всё же в этом коридоре было немного теплее, чем у главного входа.

Слева шли двери, нечасто, но они были, и оттуда до нас доносились приглушённые голоса и даже крики.

Я чувствовала себя героиней фильма ужасов и с каждым шагом боялась, что вот-вот и на нас выскочит какой-нибудь монстр и сожрёт. Оттого, наверное, жалась к Гарре, представлявшей из себя оплот спокойствия и силы.

– Давай вот сюда заглянем, – вдруг предложила бывшая телохранительница и толкнула отчего-то именно эту дверь. Нисколько не робея, она шагнула внутрь, ну и я следом. – Кто тут из вас лекарь Крац? – проревела она так, что у меня одно ухо заложило. Но иначе её вопроса никто бы не услышал – тут стоял такой шум, что его сложно было перекрыть. Но Гарре удалось и на мгновение стало тихо.

Рожаящие женщины, и женщины уже разрешившиеся от бремени, на секунду поймали тишину и вылупились на мощную бабку, грозно замершую на пороге.

– Я лекарь Крац, – вперёд вышел среднего возраста полный мужчина с пышными, с проседью усами. – Кто вы и по какому праву сюда вломились? – нахмурился он, сверля нас недобрым взглядом карих глаз.

– Я вам помощницу привела, – бывшая охранница мягко подтолкнула меня вперёд, сама полезла за пазуху и вынула свёрнутый в трубочку документ о моём назначении. – Градоправитель лично распорядился.

– Вот как, – мужчина сполоснул руки в тазу стоявшем у изножья кровати, где корчилась в муках роженица и подошёл к нам, вытирая руки знавшим лучшие времена полотенцем. – Дайте-ка посмотреть. Помощники нам очень нужны, мы ничего не успеваем, большая часть лекарей, отработав практику, уехали кто куда, но в основном в столицу, – бормотал он, бегло читая бумаги.

А я смотрела на помещение: достаточно просторное, койки стояли в два ряда, между ними ходили женщины в тёплых странных халатах и чепчиках, некоторые и вовсе закутались в платки, перетянув их длинные концы под грудью и завязав узлом на спине. Обратила внимание на полы, относительно чисто вымытые, да и кровати вполне нормальные.

– Оцениваете насколько у нас чисто, помощница Мия? – с ехидцей спросил главный лекарь лечебницы. – Это похвально. Чистота – залог здоровья.

А я и не заметила, как подошла к одной из кроватей, и проверила, нет ли пыли на изголовье, на кушетке спала женщина, укрытая двумя толстыми одеялами, в заплатах, но хоть так, поскольку в палате было всё же прохладно, несмотря на жаровни, стоявшие у стен; а её большой живот торчал даже под ворохом тряпок. Но, тем не менее, его слова я услышала, и они мне понравились, значит, в этом мире о гигиене хоть что-то знают.

– Да, – честно ответила я, чем получила странный взгляд от Краца.

– Что же, ваши задачи отныне такие, – начал перечислять он, сцепив перед собой руки в замок и покачиваясь с пятки на носок в своих неплохого качества кожаных сапогах, – мойка полов, кормление лежачих, помощь на кухне, если потребуется, и да, ночные дежурства по графику тоже на вас. Большинство лекарей живёт в другом конце этого здания, ваша задача, если ночью станет плохо, немедленно мчаться к ним и звать на помощь. Вам ясно? Обустройство поступивших в тёмные часы также будет на вас.

– Мне всё понятно, – кивнула я, и не удержавшись, спросила: – А лечить людей мне можно?

– У вас есть разрешение? – тут же осведомился лекарь Еулий Крац, направляясь к своей пациентке.

– Н-нет, – негромко ответила я.

– Ну тогда не смейте приближаться к страждущим. Если вы что-то сделаете не так, да даже дадите настойку, вас тут же отправят в темницу, – резко обернулся он ко мне, чтобы я впечатлилась строгостью наказания.

– Я вас поняла, – вздохнула я, глядя на то, как какой-то мужчина присел у ног уже почти родившей женщины.

– Вот дорастёте до помощницы первого ранга, тогда сможете помогать нам, целителям. И роды принимать позволим, или заштопать простую рану. Но это произойдёт не раньше, чем через год, – припечатал он, – Анни, займись новенькой, покажи ей здесь всё, и пусть идёт помогать чистить первую палату, – после чего он занялся своей работой, а я смотрела и делала неутешительные выводы для себя, любимой.

Глава 13

Глава 13

Мои будни, если описать их одним словом, стали сумасбродными!

Ну а что? Рано утром я пешочком тащилась в срединный город, в лечебницу, чтобы драить полы, стирать грязные вещи пациентов в чанах с горячей водой, прежде эти самые чаны наполнив. Тут была элементарная канализационная система и водоснабжение тоже кой-какое налаженное имелось. Но чтобы вода побежала по трубе вверх, надо было попытеть: давить на насос. Тут нужны были силы поболее моих, и руки было жалко – мозоли ухудшают чувствительность. Поэтому я одолжила рукавицы у Гарры, буквально до первой полочки, чтобы потом купить себе собственные. Также я носила с собой целую упаковку хирургических перчаток в кармане своего страшного платья. На всякий случай.

А ещё лекарь Еулий Крац запретил таким, как я приближаться к койкам больных. К страждущим имели право подходить только целители и все те, кто дослужился до медсестёр, а до этой ступени, увы, я пока не доросла.

Я стала прачкой и уборщицей, но никак не помощницей лекаря. Идти и жаловаться лестеру Холстену не было никакого желания, да и повода – он просто не примет моих притязаний, ибо, кто я здесь? То-то и оно, что никто, маргинальный человек, без пяти минут шпионка.

То есть как бы мне ни хотелось подойти хоть к кому-нибудь из больных и проверить его состояние, угроза, что меня тут же уволят, и отправят в местные казематы, удерживала от опрометчивого шага. И ещё, казалось, что множество глаз работников следят только за мной одной, хотя таких работников, как я, было около дюжины человек.

А ещё вот что интересно – врачей женщин не было вовсе. Только медсёстры. Весь состав целителей оказался мужского пола. Выводы напрашивались сами собой.

В общем, первые три дня было тихо, я даже как-то втянулась и трудилась в поте лица, временно решив не заострять внимание на сложившихся неприятных для меня обстоятельствах. Утешала мысль, что год пролетит быстро и я смогу с документами, подтверждающими мою личность, отправиться куда-то и обучиться на лекаря. Мне нужна-то всего первая ступень, с ней уже можно врачевать, а большего мне и не нужно!

Ни разу за все дни я не видела, чтобы кто-то из местных эскулапов провёл хоть одну полноценную операцию. Целители шупали животы больным, затем заглядывали им в рот, назначали разные микстуры и примочки. Иногда вскрывали нарывы на пальцах странными ножичками, похожими больше на шилья. Беременяшки, что удивительно, рожали без особых проблем, как-то видела, как один из лекарей перевернул плод, действуя не совсем правильно, но и не топорно. А это уже очень хорошо.

Моё первое ночное дежурство началось на четвёртые сутки. День и ночь я должна была отработать в ОЛЦ, после чего мне давали передохнуть два дня.

В мои обязанности входило всё то же самое, кроме ночного дежурства. В тёмное время суток мне полагалось сидеть у входа, там, где холодно и встречать страждущих, что являлись на порог лечебницы ночью. Вести их к медсёстрам, а дальше они уже сами. Также следить за тишиной в палатах, заглядывать периодически в помещения – не шумит ли кто, или, может, кому срочно нужна помощь. И звать лекарей, если что-то не так, аврачи обитали в другом крыле здания. Там я была только раз – относила чистое бельё в хозяйственную комнату. И, должна заметить, та часть больницы выглядела куда лучше второй её половины. И теплее было и ремонт свежий.

Свой чудо-чемоданчик я ни разу не брала с собой, боясь, что умыкнут, но в этот раз поступила иначе – отчего-то притащила с собой, прикрыв его старой тряпкой.

Ничего плохого этой ночью я не ждала, но какой-то назойливый червячок сомнения точил и точил об меня свои острые зубки... Хотя всё, что я видела в лечебнице до этого, говорило, что иммунитет у местных был ого-го и даже холод в палатах не мешал им выздоравливать. Не всем, конечно, но многим. А впрочем, я не так часто и присутствовала в палатах, поскольку в основном проводила время в прачечной, а ближе к вечеру перестилала бельё на освободившихся койках. Некогда было глядеть на методы местных эскулапов, самой бы всё успеть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.